

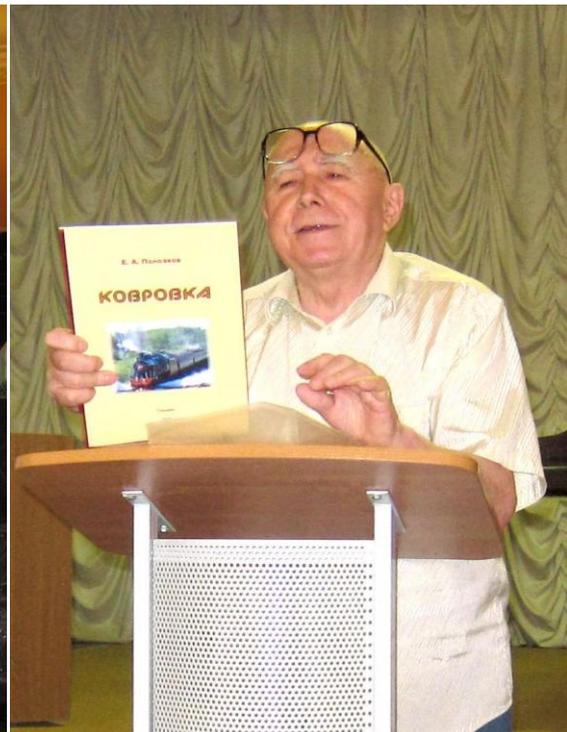
70-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

12 мая 2015 г. в Доме Ученых состоялось собрание Общества старых нижегородцев. Тема: "К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне".

Открыла собрание Э.Д. Рогачева, она сердечно поздравила ветеранов войны и тружеников тыла. Ее поздравление продолжил хор ОСН с программой, посвященной Дню Победы. Прозвучали душевные песни военных лет.

С докладом о нелегких военных буднях и трудовых подвигах жителей нижегородчины выступил Михаил Михайлович Хорев.

Тема его нового исследования – «Забывтая дорога жизни через Волгу во время Великой Отечественной войны».

Большой интерес вызвала встреча с членами Клуба исторической реконструкции. Была представлена форма советских военнослужащих –

красноармейцев и краснофлотцев в годы войны.

Затем сцена была вновь предоставлена участникам праздничной концертной программы.

Перед собравшимися выступали солисты хора ОСН, ансамбль духовной музыки ОСН, а также студентка Нижегородской консерватории им. М.И. Глинки Ольга Мингалева (аккомпанемент – Н.П. Бердникова). В заключение,

прозвучали песни в исполнении солиста хора Областного дома ветеранов Журавлев.

НАШИ ВЕТЕРАНЫ

К нашему всенародному празднику, 70-летию Победы в Великой Отечественной войне бывшие фронтовики уже «форсировали» свой 90-летний рубеж или вплотную подошли к 90-летию.

В Обществе старых нижегородцев 70-летие Великой Победы встречают пять ныне здравствующих участников Великой Отечественной войны: Валентина Антоновна Калентьева, рождения 29 июля 1919 года; Алексей Васильевич Фадеев, рождения 12 июля 1922 года; Павел Иванович Обухов, рождения 5 января 1924 года; Вячеслав Иванович Фролов, рождения 25 декабря 1924 года; Дисан Васильевич Голубев, рождения 5 декабря 1926 года.

Калентьева Валентина Антоновна: старейший член ОСН, член Совета ветеранов Лингвистического университета им. Добролюбова и Комитета женщин-фронтовичек.

6 ноября 1942 г. Начало службы

В 1942 году после окончания Горьковского института иностранных языков была мобилизована в действующую армию и направлена на Юго-Западный

фронт командиром отделения девушек-регулирующих на участок военно-автомобильной дороги Калач-Сталинград. В начале 1943 года отозвана в политотдел дивизии уже в офицерском звании младшего лейтенанта. Со своей частью прошла боевой путь через всю Украину и за ее пределы. День Победы встретила в Австрии в г. Руст, но работу в армии продолжала в качестве переводчика до 1946 года. Демобилизовалась в апреле 1946 г. в Румынии в звании старшего лейтенанта. После возвращения в родной город работала преподавателем в Лингвистическом университете им. Добролюбова. Валентина Антоновна в свои 95 лет регулярно посещает собрания ОСН, а к 70-летию Великой Победы собственноручно принесла в редакцию свой материал, который мы и помещаем далее:

**В канун 70-летия Победы советского народа в борьбе с фашизмом
в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.**

Размышления. Воспоминания.

Войска 1-го Украинского фронта в результате стремительно проведенной наступательной операции и обходного маневра разгромили противостоящие немецкие войска и на рассвете 6 ноября штурмом овладели столицей советской Украины – городом Киев.

*«Из сообщения Совинформбюро
6-го ноября 1943 года»*

Ровно 71 год тому назад в ноябре 1943 года мне довелось принять эту сводку во время дежурства в политотделе в военной части, где я служила. Я была уже офицером и мы, работники п/о, кроме других служебных обязанностей, дежурили по очереди сутками, чтобы принимать важные правительственные сообщения. Это было в небольшом украинском городке, не помню уже его название. К этому времени были уже освобождены Киев, Черкассы, Кременчуг, Днепропетровск и другие города. Гитлеровцы понимали, что с потерей Украины рухнет окончательно их фронт на юге нашей страны. Но, несмотря на жесткие требования Гитлера и генерал-фельдмаршала Манштейна, битва за Днепр

была проиграна. Сводки эти передавались по всем фронтам. Диктовали медленно, чтобы принимающий успел записать текст. Политотдел располагался в только что освобожденном почти полностью разрушенном городке. Население было лишено всякой информации. Почта, радио, телеграф были разрушены. Одной из наших задач было информирование населения об успехах Красной Армии. И вот в ноябре 1943 года я приняла сводку Совинформбюро об освобождении нашими войсками города Киева. Сообщение было доложено начальнику политотдела, напечатано на машинке в нескольких экземплярах, листовки были срочно расклеены на улицах городка. Люди собирались толпами, читали, радовались успехам нашей Армии.

И вот теперь, в январе 2015 года, накануне 70-летия Победы, я с болью в сердце слушаю тоже сводки с фронта, которые называются «Новости часа». Не радостные новости, а печальные новости о военных действиях на Украине, где идет гражданская братоубийственная война. В Киеве государственный переворот. Фашизм снова поднял голову. Степан Бандера, главный руководитель нацистов на Украине, объявлен национальным героем. Разрушены Донецк, Луганск, пострадал Днепропетровск, многие поселки. Убиты и ранены тысячи мирных жителей Украины. Я узнаю по телевизору знакомые места, такие же разрушения, как в 1943 году, руины, подвалы, где прячутся обездоленные жители, вереницы беженцев, оставшихся без крова. В основном это женщины, дети, старики. Мужчины воюют в ополчении против силовиков. И те, и другие украинцы, недавно жившие бок о бок, одна нация. Это противостояние трудно осмыслить. Неонацизм возрос на нашей земле. Это угроза всему миру. Трудно понять варварскую дикость украинских силовиков, воюющих против своего народа. Такую же участь готовил Гитлер советскому народу. Действовало правило: город должен быть уничтожен перед его взятием (из материалов Нюрнбергского процесса, 1957 г.).

За что погибли миллионы наших молодых ребят во Второй Мировой войне, защищая братскую Украину от фашистов? Земля эта пропитана их кро-

вью, а теперь ее опять топчут сапоги нацистов. Уничтожаются памятники советским воинам.

Мне посчастливилось принять участие после войны в юбилейных торжествах в нескольких городах Украины, освобожденных от фашистов нашим фронтом. Незабываемая встреча ветеранов войны была в 1989 году в городе Одессе по случаю ее освобождения 10 апреля 1944 года. Весь город, казалось, ликовал. Нас, ветеранов, встречали на перроне вокзала, буквально выносили из вагонов на руках молодые ребята, комсомольцы, провожали до гостиницы. Во время праздника, когда мы шли в колонне, люди засыпали нас цветами. Отовсюду слышалось: «Добро пожаловать, победители!». Во время экскурсий по местам боев в селах приглашали в дом, накрывали столы. А сейчас в Одессу введены войска, на улицах боевая техника. Советские наименования улиц уничтожены, разрушен памятник Ленину. Не один раз объявляли перемирие, но оно не соблюдается. Донецк и Луганск подвергаются артиллерийскому обстрелу. Есть убитые и раненые среди мирных жителей.

С горечью наблюдая за всеми этими ужасными событиями, хочу сказать, что я, как человек, прошедший и переживший войну, всегда мечтала, чтобы такой кошмар, такая боль и такие потери больше никогда не повторились ни на моей, ни на чужой земле. И я искренне надеюсь, что на Украине в скором времени наступит долгожданный мир.

Калентьева Валентина Антоновна.

Ветеран ВОВ, старший лейтенант.

Служила с июля 1942 по апрель 1946 гг.

Юго-Западный, 3 Украинский Фронт, Южная группа советских войск, освобождавших страны Европы: Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Австрию.

ПАМЯТЬ

Треугольничек письма
Вдруг напомнил с силой
Птицу – весточку с войны
Что летела к милой

Иль к невесте, иль к жене
Были те посланья
Или к матери родной
В годы ожиданья

Поседела голова
Старого солдата
Но забыты ли слова
Что писал когда-то?

Пожелтевшие листы
Почта полевая
Треугольничек письма
Память фронтовая!

*Стихотворение написано
в канун Дня Победы,
в мае 1987 года*

Фадеев Алексей Васильевич:

Родился в 1922 году на Украине в многодетной семье. В 1926 году после смерти отца семья переехала в Нижегородскую область к деду по матери, а с 1938 года Алексей Васильевич жил, учился и работал на Автозаводе. В 1941 году был мобилизован в Красную Армию, прошел военную подготовку на Дальнем Востоке, окончил военное училище в Комсомольске-на-Амуре и в звании младшего лейтенанта был направлен в Наро-Фоминск, откуда был переправлен во Львов, где формировался 2-й Белорусский фронт. Был назначен командиром минометной батареи 150-й дивизии 3-й ударной армии и переброшен в Варшаву. Участвовал в освобождении Варшавы. В Польше стал командиром минометной роты 756-го полка, в роте разведчиков которого служил М.Кантария.

После освобождения Польши вышли на территорию Германии и в 80 км от Берлина штурмовали Зееловские высоты, где впервые была применена тактика ослепляющего действия прожекторов. Затем был штурм Берлина и взятие Рейхстага.

Демобилизовался в конце 1945 года и был направлен райкомом КПСС на Автозавод, на новое производство, связанное с оборонной промышленностью. В 1962 году получил Орден Ленина. С этого же года перешел на завод Гидро-

маш бригадиром производства станков с программным управлением и получил второй Орден Ленина. Закончил свой трудовой путь в 1988 году, имея трудовой стаж 50 лет. После выхода на пенсию долгое время был председателем Совета ветеранов завода Гидромаш. Член Общества старых нижегородцев с 2006 года.

Обухов Павел Иванович:

В 1942 году после окончания средней школы был призван в армию и, пройдя подготовку в Московском минометно-артиллерийском училище им. Красина, был направлен на 2-й Украинский фронт в качестве командира огневого взвода «Катюш». Свое боевое крещение получил в декабре 1943 года в районе Кривого-Рога – Кировограда. Затем участвовал в освобождении Украины, Молдавии, Венгрии и дошел до Берлина, участвовал в броске на Чехословакию и встретил День Победы в Праге. Кавалер боевых наград. После демобилизации в 1946 году поступил учиться в Горьковский университет на физико-математический факультет, который окончил в 1951 году по специальности «Механика». Был направлен в ОКБМ им. Африкантова, где работал до выхода на пенсию. Участвовал в проектных работах по атомоходу «Ленин», защитил диссертацию кандидата технических наук, награжден Орденом Трудового Красного знамени. С конца 90-х годов стал членом ОСН, активист-общественник, человек большой доброты и широкой русской души.

Фролов Вячеслав Иванович: родился 25.12.1924 года. Ефрейтор, на фронте с 23.02.1943 года.

Участвовал в составе 15 Артиллерийской Ленинградской Краснознаменной ордена Суворова Дивизии прорыва РГК связистом и старшим телефонистом на фронтах 1, 2, 3 Прибалтийском и 3 Белорусском. День Победы встретил в 150 км от Берлина. Демобилизовался в 1946 году. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», медалями к юбилеям Победы в Великой Отечественной войне, к юбилеям Вооруженных Сил СССР, медалью имени Георгия Жукова и значком «Фронтовик».

На гражданке закончил Горьковский медицинский институт им.Кирова. Работал в Областном онкологическом диспансере и Городской санэпидемстанции с 1949 по 1995 год. Награжден значком «Отличнику здравоохранения», медалью «Ветеран труда». Капитан медицинской службы.

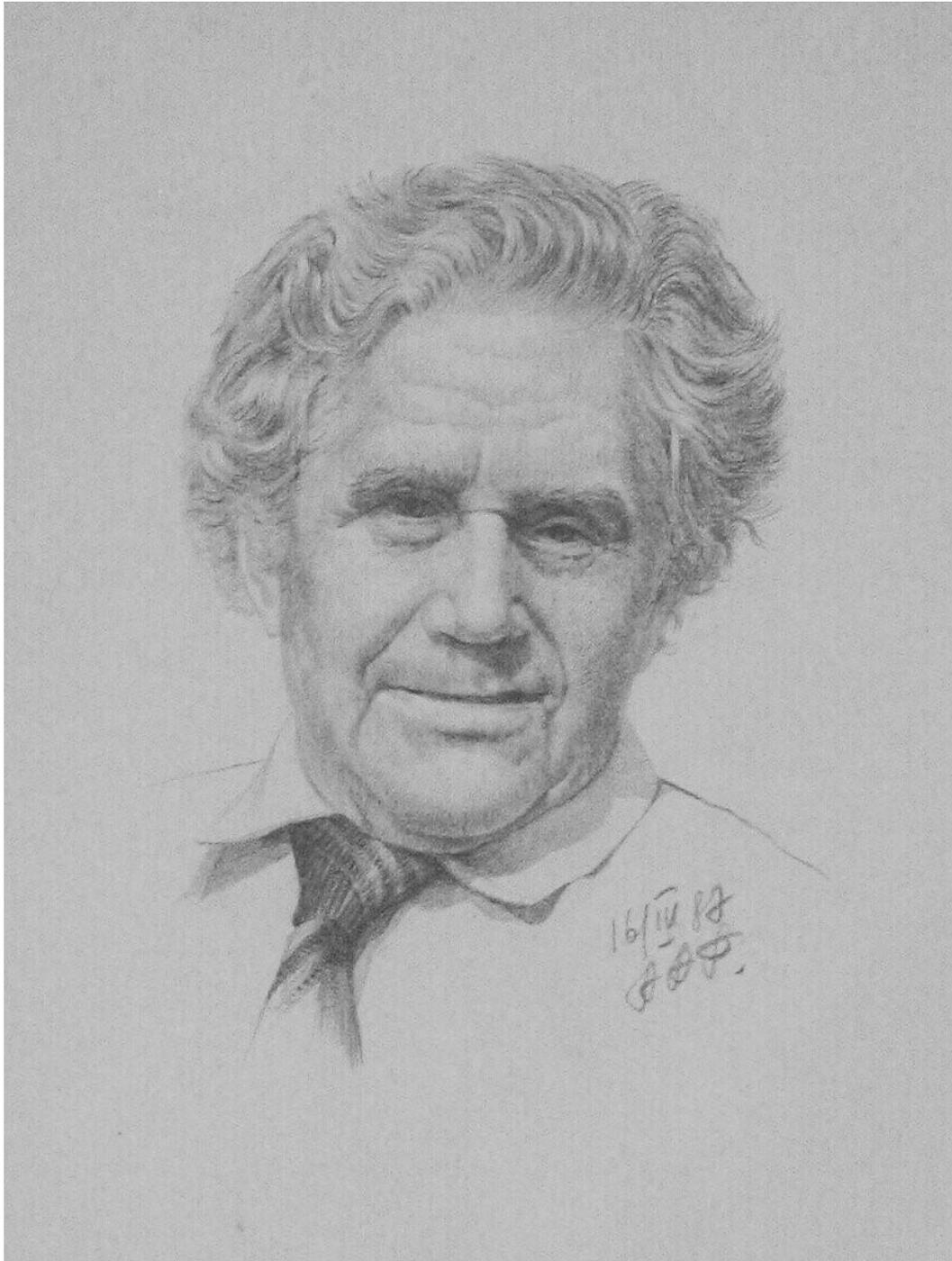
Голубев Дисан Васильевич:

Самый молодой из наших участников Великой Отечественной войны, еще не достигший своего 90-летия. Уроженец Ветлужского района Нижегородской области. Был призван в армию в ноябре 1943 года и проходил военную подготовку на Дальнем Востоке, в составе 424 гаубичного артиллерийского полка в районе пос. Ленинское на Амуре. Получил специальность военного радиста. В августе 1945 года начались военные действия против милитаристской Японии. Участвовал в наступлении на соединения Квантунской армии, обеспечивая радиосвязь командира полка с батареями. Награжден медалью «За боевые заслуги». После победы над Японией служба Д.В.Голубева в армии продолжалась до 1950 года. Он был назначен командиром отделения радиосвязи 671-й корпусной артиллерийской бригады в городке Цзинь-Чжоу. После демобилизации вернулся в Горький, поступил учиться на радиотехнический факультет Политехнического института. Затем до выхода на пенсию работал в НИИ РС. Член ОСН с 2007 года.

НАШ «БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК»

**Моторная Л.И.,
заведующая мемориальной экспозицией
Государственного
литературно-мемориального музея
Н.А. Добролюбова**

МУЗЕЙНЫЙ ПАТРИАРХ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЗАБУРДАЕВ

Н.А. Забурдаев, 1987 г. Рис. А.Ф. Александрова

Есть люди, которые навсегда останутся в памяти ярким воспоминанием, даже если встретишься с ними на короткий миг. Именно таким был Н.А. Забурдаев. Не случайно он один из первых обратил на себя внимание нижегородского художника-графика А. Александрова, создавшего галерею портретов известных нижегородцев.

Впрочем, статичное плоскостное изображение не годится для этого человека. Так и кажется, что сейчас оживет это лицо, словно магнитами притянут к себе глаза и ты попадешь в круг их энергетического воздействия.

Эти качества присущи только очень сильным, творческим и деятельным людям. Таким и был музейщик, ученый-исследователь, писатель и журналист Николай Алексеевич Забурдаев. Рассказывать о нем и просто, и трудно. Уж слишком неординарным он был по сравнению со своими коллегами.

Заслуженный работник культуры Николай Алексеевич Забурдаев, директор Государственного музея А. М. Горького на родине писателя с 1954 по 1974 год, возглавлявший в этот период строительство двух новых музеев в городе, создавший их вместе с коллективом сотрудников музея, прожил яркую долгую жизнь, о которой пока мало рассказано, но она стоит того, чтобы о ней осталась память не только в музейной среде.

Внешне жизнь Николая Алексеевича Забурдаева сложилась так же, как и жизнь многих россиян, появившихся на свет на изломе эпох. Он родился в 1909 г. в г.Козьмодемьянске на Волге в семье почтового ямщика, который был до самой смерти больше извозчиком, чем крестьянином. Мать - дочь деревенского кузнеца, неграмотная, всю жизнь была домохозяйкой в семье, состоящей из одиннадцати человек. В своей «Автобиографии» Николай Алексеевич написал, что отец постоянно работал: летом на Волге на сплаве леса, на перевозке грузов, а зимой занимался извозом, уделяя не слишком много внимания и сил земельному наделу. Землей, в основном, занималась семья. Не случайно уже с десяти лет, проучившись в школе всего 4 года, Николай Алексеевич начал работать: пахать, боронить, сеять. Отец считал, что дети должны приучаться к труду

с малых лет. Кроме того, как вспоминал Забурдаев, в семье были одни девушки, на юношу возлагались особые надежды. С 14 лет он так же, как и отец, начал работать по найму, на отхожих заработках в городе Козьмодемьянске, на лесоповале на Волге, был грузчиком, извозчиком. Затем - вступление в комсомол и бригадирство в первой бригаде только что организованного колхоза. Уже в эти годы проявились и начали развиваться его организаторские способности. Тогда же был арестован и осужден на 3 года отец за противостояние докладчику во время колхозного собрания. В тюремном заключении он и умер от порока сердца, оставив заботу о семье из пяти человек на плечах Николая. К тому времени он переехал в город Горький и, освоив профессию электрика, работал на строительстве Горьковского автозавода. Работу успевал совмещать с учебой на рабфаке, затем поступил в педагогический институт на литературный факультет. Вот так стремительно развивалась жизнь: бывший крестьянин, грузчик и - студент вуза. Успел проучиться лишь два года, как началась война. С первых месяцев и до окончания Великой Отечественной войны Николай Алексеевич был в действующей армии. Сначала пришлось воевать на Брянском фронте, потом – на Первом Украинском. За участие в боях неоднократно был награжден правительственными наградами, среди которых орден «Красная Звезда», медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За освобождение Праги». Долгими военными дорогами прошел полевые: принимал участие в освобождении Польши, Германии, Австрии, Чехословакии, Венгрии, Румынии.

А после войны вновь - работа и учеба. Несмотря на тяжелое послевоенное время сил хватало на все, ведь душу наполняли подъем и радость победителя. Закончив Горьковский педагогический институт, в 1950 году пришел в музей детства М. Горького «Домик Каширина» научным сотрудником. С этого времени жизнь Николая Алексеевича уже неразрывно была связана с музеем А.М. Горького, где он был исследователем и собирателем, экспозиционером и наставником.

В профессиональной музейной среде России, среди коллег он был известен умением сказать веское меткое слово. Несколько десятилетий директора музеев цитировали при разных обстоятельствах афоризм, однажды произнесенный им при утверждении значимости музейной коллекции в музейном деле: «Идею на гвоздик не повесишь». Сотрудники музея, его подчиненные, получая задание по собирательской работе, слышали и основное, напутственное слово: «Пошел за шерстью - не приходи остриженный». В моменты же принципиального противостояния начальству Н.А. Забурдаев напоминал окружающим горьковские слова: "Они — свое, а мы — свое". Как и его высказывания, он был значителен, обстоятелен. Высокий, широкоплечий, с шапкой пышных вьющихся волос на крепко посаженной голове, с широкими ладонями крестьянских рук, он производил впечатление богатыря-разбойника с волжских берегов. Не случайно в его характере превосходно сочетались неумная энергия и авантюризм, активная творческая мысль и хитрость, умение сойтись с человеком, поддержать, понять и в определенной ситуации - устроить кому-либо из окружающих настоящую «выволочку». И при любых обстоятельствах - неизменное трудолюбие и постоянная деятельность.

Под руководством Николая Алексеевича Забурдаева музей развивался, пополнялся экспонатами, имеющими исключительное значение: не случайно с третьей категории музей поднялся до первой. Неуспокоенность, постоянный поиск были характерны для деятельности этого человека. Уже с первых лет работы в музее детства М. Горького «Домике Каширина» Н.А. Забурдаев стремился к совершенствованию его, опираясь на документальные материалы. Работа в архивах городов Горького, Астрахани, Балахны, Перми, установление доверительных отношений с Пешковыми, Кашириными и их окружением помогло многое узнать, уточнить в экспозиции.

Необходимость обращения к документам при изучении каширинской темы была осознана еще Ф.П. Хитровским, первым директором «Домика Каширина».

Забурдаев, вслед за Ф.П. Хитровским, все внимание сосредоточил на поисках документов. Ему удалось внести некоторые существенные уточнения в научную биографию М. Горького. Найденные документы, свидетельствующие о новых, неизвестных ранее фактах, были опубликованы в таких крупных журналах как «Волга», «Нева», «Сибирские огни», «Волжский альманах», в сборниках «Горьковские чтения» и «Записки краеведов», в городской периодической печати. Итогом поисковой, исследовательской работы стала книга очерков «В семье Кашириных», вышедшая в 1976 году в Волго-Вятском книжном издательстве.

Эта книга стала явлением в краеведении и получила высокую оценку ученых-горьковедов. Однако, и здесь не обошлось без определенного «лукавства». Когда последующим исследователям понадобилось уточнить некоторые факты, приведенные в книге, то оказалось, что часть ссылок на архивные источники Николай Алексеевич «зашифровал», указав несоответствующие им номера. Расценить это можно по-разному: ошибка, шутка, случайная погрешность или стремление подтолкнуть будущих исследователей темы к самостоятельному поиску. Наверное, всего понемногу. Однако, до сих пор этот труд остался единственным полновесным исследованием истории рода Кашириных и детских лет А.М. Пешкова. А вскоре, отойдя от горьковско-каширинской темы, также на основе архивных материалов он подготовил и издал книгу «Анатолий Ванеев».

Открытость в общении и человеческое обаяние его способствовали установлению добрых, доверительных отношений со многими старыми нижегородцами, что рождало новые замыслы и дела.

По инициативе Н.А. Забурдаева в 1960 г. при музее было создано Общество старых нижегородцев, внесшее немалый вклад в литературное краеведение: воспоминания нижегородских старожилов составили несколько десятков томов «Памятных записок». Активно поддерживаемые Н.А. Забурдаевым отношения с родственниками Ф.И. Шаляпина, с Е.П. Пешковой, ее детьми, внучками, позволили музею А.М. Горького совместно с общественностью города

подготовить и открыть в школе № 140 первый в мире музей Ф.И. Шаляпина, который и сегодня активно работает.

А в 1971 г. — еще один музей, научно-обоснованный, насыщенный пешковскими мемориальными вещами — Музей-квартиру А.М. Горького. Нельзя не отметить, что в обсуждении проекта которого принимала участие Е.П. Пешкова, она же отправила на родину М. Горького редкие семейные фотографии и часть обстановки своей нижегородской квартиры.

Этот вклад в пополнение музейной коллекции трудно переоценить. После смерти Екатерины Павловны, выполняя ее волю, невестка А.М. Горького Надежда Алексеевна Пешкова и внучки писателя передали в музей все, что имело отношение к нижегородским годам жизни А.М. Горького. Из московской квартиры Е.П. Пешковой и с дачи в Барвихе Забурдаевым Н.А. и сотрудниками фондов было вывезено более двух тысяч будущих экспонатов. Конечно, вещи принадлежавшие Пешковым, составлявшие предметное окружение А.М. Горького в то время, когда семья жила в Нижнем Новгороде, представляли большую культурную ценность и несомненно были интересны и московским музеям. Но по праву своей исторической принадлежности они должны были находиться именно в г. Нижнем Новгороде, таково было желание и Екатерины Павловны Пешковой. Николай Алексеевич непосредственно сам занимался получением и перевозкой вещей. Сделал это быстро и умело, так что попридержать в Москве или перехватить ценный груз уже было невозможно. Как он сам говорил, пока опомнились московские власти, дело уже было сделано.

15 сентября 1971 г. в год 750-летия города состоялось открытие Музея-квартиры А.М. Горького, которому Николай Алексеевич отдал много сил и таланта.

Первую экскурсию вел именно он, а в «Книге отзывов» появились первые записи, и одна из них выразила главное впечатление: «Подвиг любви, торжество труда, дивный пример музейного дела этот музей!... Ираклий Андронников» [1].

В своей музейной деятельности Н.А. Забурдаев много сил отдавал собирательской работе, разыскивая предметы, имеющие музейное значение, начиная от образцов старинных обоев в старых домах, идущих на снос, кованых гвоздей у бывших нижегородских ремесленников, одежды, домашней утвари и других предметов обихода начала и середины XIX века, до мемориальных, имеющих особое значение. Вспомним еще раз один из его афоризмов: «Идею на гвоздик не повесишь».

Личностные качества Николая Алексеевича способствовали находить, видеть и получать найденное: он умел привлекать к себе людей, располагать к открытому, свободному общению, вызывать доверие к себе и к музею как к надежному хранителю раритетов.

В равной мере он уделял внимание и научным изысканиям, и собирательской деятельности, рассказывал в периодических изданиях об архивных находках, дополняющих уже известные материалы о жизни А.М. Пешкова, Шаляпина, семьи Добролюбовых.

Документы о строительстве дома Добролюбовых стали основой для реставрационных работ сохранившегося флигеля в усадьбе на Лыковой дамбе. А в 1971 г. к 135 летию со дня рождения Н.А. Добролюбова на историческом месте в подлинном доме была построена экспозиция и открыт мемориальный музей Н.А. Добролюбова.

Музейные экспозиции, построенные под руководством Н.А. Забурдаева, получили высокую оценку специалистов-музейщиков, нижегородцев и гостей. Невероятно сложная задача — построение одновременно двух музеев — оказалась по силам коллективу под руководством сильного и упорного в достижении поставленной цели директора. Не зря ведь он говорил: «Они — свое, а мы — свое». Твердость и уверенность в своих силах подтверждалась делом!

И в преклонные годы, уйдя на заслуженный отдых, Николай Алексеевич продолжал трудиться, писал, помогал музею развиваться.

Открытие мемориального музея Н.А. Добролюбова в 1971 году

В разное время он передал Литературно-мемориальному музею Н.А. Добролюбова более 30 предметов, вошедших в основной фонд хранения. Одно из последних поступлений — картина неизвестного художника «Моление о чаше», сюжет которой не раз был описан в Евангелиях. Образ молящегося Иисуса Христа близок этому дому, близок людям, когда-то здесь жившим.

Не сохранилось легенды об этих предметах, но ведь часто бывает так, что вещь находит себе хозяина, а не наоборот. Так случилось и с картиной «Моление о чаше». Где, как не в доме священника Добролюбова могла находиться эта работа, рассказывающая об одном из эпизодов жизни Иисуса Христа. Не случайно картина была найдена, и не случайно попала в музей. Сегодня она - и музейный экспонат, и повод совсем не лишний раз вспомнить соприкоснувшегося с ней человека.

Н.А. Забурдаева не стало накануне Прощеного воскресенья в 1999 году. Ему было ровно 90 лет, 49 из которых он отдал Служению Музею.

Н.А. Забурдаев проводит одну из первых экскурсий
в доме-музее Добролюбова

Примечания:

1. Книга отзывов, 1971 г., с. 2.

ЛЕТОПИСЦЫ В СТРОЮ

Зубчатый абрис кремлевской стены давно знаком нижегородцам. А кому обязан город обретением исторической конфигурации зубцов Нижегородской крепости? Ведь в 1950-е годы, когда наши историки приступали к восстановлению кремля, стены его были целы только наполовину. Единственный зубец старинной стены сохранился неподалеку от Георгиевской башни. С узором, напоминающим раздвоенный ласточкин хвост, но без прорези, не так, как на зубцах Московского Кремля.

Сплошная кирпичная кладка доказывала: зубец выложен одновременно с крепостной стеной XVI столетия. Нашел его и научно описал молодой горьковский историк Игорь Александрович Кирьянов.

Когда в 1941 году отправлявшиеся на фронт добровольцы стояли у кремлевской стены, зубцов на ней ещё не было...

В составе отряда политбойцов, первым эшелоном убывавшего к западным границам страны, был и студент историко-филологического факультета Горьковского пединститута Игорь Кирьянов. Спортсмен-лыжник, он успел к тому времени принять участие в боях на финской войне.

Имя этого человека в нижегородском краеведении теперь стоит в одном ряду с такими именами, как Н.И. Храмцовский и А.С. Гациский. Почетный гражданин Нижнего Новгорода, автор 27 книг и более 200 научных статей. Благодаря его инициативе и настойчивости в нашем городе состоялись перезахоронение останков Кузьмы Минина в Архангельском соборе, возвращение городу исторического имени, возрождение и водружение на Дмитриевской башне кремля герба Нижнего Новгорода.

Коренной нижегородец, Игорь Александрович Кирьянов родился 12 ноября 1918 года. Его предки оставили заметный след в истории города. Прадедом по линии матери был знаменитый купец-мукомол Матвей Башкиров. Дед по отцу из крестьян выбился в руководители Окского пароходства Кашиной. Отец, присяжный поверенный, председатель Нижегородской гильдии защитников, был видным деятелем партии конституционных демократов. Большую

роль в жизни Игоря Александровича после ранней смерти отца сыграл отчим Я.А. Садовский, сын А.Я. Садовского, профессора археологии, выдающегося архивиста-историка, председателя Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. В студенческие годы его учителями были нижегородские историки С.И. Архангельский, Н.М. Добротвор.

Война с фашизмом надолго прервала учебу. Игорь Александрович воевал под Брянском. Осенью 1941 года, когда армия Гудериана стремительно шла на Тулу, 50-я армия попала в окружение. Оказавшись в плену, Кирьянов совершил побег. Пробирался по лесу вслепую, переплыл полузамерзшую речку, раздвигая льдины руками. В одну из ночей уснул в густом кустарнике. Когда проснулся, услышал вокруг голоса немцев. Оказалось, что в темноте он попал в их расположение. Его схватили, долго и жестоко били.

Снова лагерь для военнопленных. И снова побег. На этот раз, найдя партизан, он сумел попасть к своим. В Смерше начались изнуряющие допросы. С Кирьяновым был еще один вырвавшийся из плена боец. Его расстреляли. Игорь Александрович до сих пор считает, что сам он спасся только чудом...

Потом опять был фронт, бои под Мценском. Тяжелое ранение, госпиталь в Семипалатинске. После выздоровления был признан годным к нестроевой и направлен служить в Алма-Ату. И снова фронт. С боями Игорь Александрович прошел через всю Польшу. Участвовал в освобождении Варшавы. Служил в роте мотоциклистов, был командиром орудия, старшиной конного эскадрона 7-го кавалерийского корпуса.

В Люблине участвовал в операции по захвату в плен коменданта города генерала Мозера. Я попросила его рассказать, как это было. И он, наверное, уже в который раз точно до мелочей вспоминает, как обстреляли они вшестером на лесной дороге машину, как вылез из нее здоровенный генеральский ординарец-водитель и они втроем едва справились с ним. Еще в машине ехали дородная генеральша и шуплый генерал.

За участие в этой операции Игорь Александрович был представлен к ордену Красной Звезды. Второй свой боевой орден он получил за жестокий бой у местечка Сарне на Украине.

К двум орденам Красной Звезды добавились потом орден Отечественной войны первой степени, десяток медалей.

Было и ещё одно ранение. Победу Игорь Александрович встретил на окружной дороге Берлина. Вернулся в Горький старшим сержантом.

Одиннадцать дней, проведенных в плену, ещё долго будут напоминать ему о себе и в мирной жизни, вставая непреодолимой преградой для его работы в областном музее, восстановления в партии, защиты кандидатской диссертации.

Вернувшись в родной институт, фронтовик засел за учебники, сдавая экзамены экстерном. Хотел поступить в аспирантуру. Не взяли: 11 дней в плену... Направили на преподавательскую работу в Мурманск, но и там отказали. Помог профессор Н.М. Добротвор. По его рекомендации Кирьянов был принят в Горьковский областной краеведческий музей. Но «там, где следует», рассудили: бывший пленный «пробрался» на идеологическую работу областного уровня. Пришлось уволиться. Полный энергии и плодотворных научных замыслов молодой историк в течение нескольких лет преподавал физкультуру в Горьковском техникуме советской торговли.

Призвание и непреодолимая тяга к избранному пути привели Игоря Александровича в мастерскую по реставрации памятников архитектуры. Здесь он стал проводить все свободное время. Особенно увлекло его участие в работе по реставрации Нижегородского кремля: сбор документов, раскопки, описание разрезов. Руководил реставрационными работами архитектор Игнатий Викентьевич Трофимов, известный в стране специалист, реставратор Троице-Сергиевой лавры. Итогом этой работы стала публикация Кирьянова в академических «Материалах и исследованиях по архитектуре СССР». Это была первая серьезная научная работа о Нижегородском кремле, опубликованная в столь солидном издании.

В 1953 году при поддержке ведущих горьковских историков Игорь Александрович стал заместителем директора по научной работе Горьковского областного краеведческого музея. Он организует этнографические и археологические экспедиции по Горьковской области. В круг его забот вошла жизнь много-

численных районных музеев. Благодаря ему создавались и развивались краеведческие музеи в Арзамасе, Павлове, на Бору и в других городах.

По инициативе Кирьянова начинаются раскопки на территории пушкинской усадьбы в Большом Болдине, результатом которых стало воссоздание облика исторических усадебных построек.

Он организует археологические раскопки в древнейшем городе области – Городце. Истории возведения Городецкой крепости и ее строителям, застройки Городца им отдано много времени и сил. Потом благодарные городчане выпустят книгу «Кирьянов в Городце».

Вместе с историком и археологом И.В. Трофимовым, архитектором С.Л. Агафоновым, реставратором К.И. Рязановым Игорь Александрович продолжает археологические работы и в историческом центре Нижнего Новгорода. Он издает книгу «Нижегородский кремль», монографию «Старинные крепости Нижегородского Поволжья», начинает публикацию нижегородских летописей.

В 1965 году Игорь Александрович защищает в Горьковском университете кандидатскую диссертацию по древней истории нижегородского края. На всю жизнь осталось у него чувство благодарности к научному руководителю Виктору Трофимовичу Илларионову. С родным же пединститутом у Игоря Александровича связаны долгие годы его собственной педагогической работы. В течение многих лет он работал на кафедрах научного коммунизма, всеобщей истории, заведовал кафедрой истории СССР, исполнял обязанности декана историко-филологического факультета.

Потом были новые книги: «Топонимия Волго-Окского междуречья и история его аборигенного населения», «К проблеме летописной Мещеры». Кирьянов участвовал в издании 14 томов Книги Памяти. Им опубликованы новые данные об основателе города князе Юрии Всеволодовиче, великом нижегородце Кузьме Минине. Игорем Александровичем опубликованы интересные находки по топонимии Волго-Окского междуречья и множество других ценных материалов.

Вклад Кирьянова в нижегородскую летопись высоко оценен. Но для любого профессионала лучшая оценка — одобрение коллег. Вот почему самой до-

рогой своей наградой Игорь Александрович считает небольшую дарственную надпись в книге одного из крупнейших наших историков Д.Н. Смирнова «Очерки Жизни и быта нижегородцев XVII века». Она сделана автором в 1965 году: «Игорю Кирьянову — единственному краеведу, чьи труды считаю ценнее своих».

О многом может вспомнить и рассказать в свои 87 лет этот седой высокий человек. Тысяча учетных карточек его личного фонда в Нижегородском областном архиве вбирает в себя, кажется, многовековую историю Нижнего Новгорода. Его собственная судьба вобрала в себя самые крупные и драматичные повороты двадцатого столетия.

К установлению места захоронения расстрелянных в годы сталинских репрессий нижегородцев Игорь Александрович тоже имел самое непосредственное отношение. Это странное место на Бугровском кладбище справа от входа у южной ограды показала ему сторожиха. По давней своей археологической привычке Кирьянов даже под асфальтом сразу определил характерные проседания земли. Такие же проседания над «братскими могилами» — рвами двухметровой ширины были найдены и в противоположном углу кладбища.

Позже, когда были обнаружены и документальные свидетельства массовых казней, Игорь Александрович прочел деловитые распоряжения руководителей Горьковского НКВД по поводу этих захоронений: «От верхнего покойника оставлять до поверхности не менее двух с половиной метров земли».

Где-то тут погребен и прах репрессированного в тридцатые годы А.А. Садовского, отца жены Игоря Александровича.

Авторитет и известность имени И.А. Кирьянова в городе помогали ему потом во множестве дел и начинаний. Но только близкие знают, сколько усилий, терпения и дипломатии требовалось иногда, чтобы добиваться решений, которые потом воспринимались всеми как общее и очевидное благо.

И сколько душевной щедрости. Поэтому для него своими и близкими становились заботы не только учеников-студентов, но и проблемы старых и новых нижегородских музеев.

Я вспоминаю, с каким участием и заинтересованностью Игорь Александрович участвовал на ученом совете музея Н.А. Добролюбова в обсуждении программы будущей Пушкинской экспозиции. У него и сейчас по поводу Пушкинского музея есть интересные соображения. Что касается Пушкинского музея, то вклад И.А. Кирьянова в его создание – не только в соображениях. Одним из наиболее ценных экспонатов музея стало прекрасное бюро пушкинской поры, семейная реликвия, переданная Кирьяновыми в дар музею.

У Игоря Александровича все новые заботы. Он продолжает думать о судьбе мемориального Архангельского собора, многострадальном особняке Рукавишниковых на Откосе, возрождении районных отделений общества «Нижегородский краевед»...

В 2004 году Игорь Александрович опубликовал в печати новые сведения, доказывающие, что во время второго пребывания в Нижнем Новгороде Петр Первый посетил здание городского магистрата в Кожевенном переулке. Здание сохранилось. Необходимо увековечить исторический факт и установить памятную доску.

Фронтоник, ученый, хранитель и летописец нижегородской истории, почетный гражданин Нижнего Новгорода по-прежнему в строю.

Сидоров Анатолий Иванович (1920–2002 г.)

Анатолий Иванович Сидоров был пятым по счету председателем Общества старых нижегородцев при Литературном музее А.М.Горького. На его долю выпало быть руководителем Общества в трудные 90-е годы, когда после развала Советского Союза рушилась привычная система культурных ценностей и связей и быстро набирала силу рыночная экономика. В этих условиях перед Анатолием Ивановичем встала нелегкая задача сохранить общественную организацию представителей нижегородской интеллигенции, за плечами которой было уже 35 лет бескорыстной краеведческой деятельности, сбережь хор ветеранов ОСН, который уже с 1992 года никем не финансировался и нигде не числился, сохранить рукописный журнал «Памятные записки», живую летопись родного края. Этому и посвятил Анатолий Иванович Сидоров последний период своей жизни.

Анатолий Иванович являлся представителем старшего поколения советской интеллигенции, формировавшейся на идеалах коллективизма и безза-

ветной преданности Родине и народу. Родился он 22 декабря 1920 года в с.Елховка Вадского района Нижегородской области. В 1928-32 гг. учился в школе им.Луначарского в Н.Новгороде. С 15 лет начал работать слесарем на заводе «Красный металлист», активно вел комсомольскую работу. По направлению Ждановского РК ВЛКСМ работал в 8-м отделении милиции, затем в исправительно-трудовой колонии № 2 НКВД, на строительстве дороги Горький-Муром-Кулебаки, работал в газете «Ленинская смена» в военно-спортивном отделе и был внештатным инструктором Ждановского РК ВЛКСМ. С 1941 г. работал на телефонном заводе им. Ленина, но в августе 1942 года пошел добровольцем на фронт, хотя имел врачебное освобождение и заводскую бронь. Был комсоргом 55-го автобронетанкового батальона, членом комитета комсомола отделения автороты подвоза боеприпасов. С 55-ым автобронетанковым батальоном 2-го Украинского фронта участвовал в форсировании Днепра, в освобождении городов Кременчуг, Днепропетровск и других. С боями прошел Украину, Молдавию и до города Яссы в Румынии. Его автмотострелковая бригада была переброшена на 1-й Белорусский фронт. В июле 1944 года Анатолий Иванович участвовал в освобождении Варшавы, Люблина и других городов, штурмовал Берлин, где встретил День Победы. В 1945 году, находясь в Германии, был председателем товарищеского суда чести рядового и сержантского состава. Свою службу в армии Анатолий Иванович закончил 31 мая 1946 года. Родина высоко оценила боевой, а позднее и трудовой подвиг. Он кавалер более 20 боевых и трудовых наград.

Началась мирная жизнь. Закончив в 1947 г. Горьковское педучилище, Анатолий Иванович работает учителем начальных классов школы № 28. Параллельно учится в пединституте им. Горького, по окончании которого преподает историю, обществоведение, конституцию в той же школе. По совместительству преподает в школе рабочей молодежи. В школе № 28 Анатолий Иванович был ответственным за краеведческую и туристическую работу. Он провел со школьниками более 20 походов по родному краю, по ленинским местам,

в Хатынь и по другим маршрутам. За 30 лет работы в школе Анатолий Иванович пропустил через свое сердце более 2.5 тысяч учеников, отдав им все силы своей души, интеллекта, свой большой жизненный опыт.

С 1963 года Анатолий Иванович член областного краеведческого бюро. С 1965 по 1980 год был председателем Приокского районного отделения ВО-ОПиК, а затем членом президиума городского отделения этой организации и лектором райкома КПСС.

С 1985 по 1990 год был в Польше, выступал в школах и лицеях с докладами о советско-польской дружбе. За эту работу, а также как участник освобождения Польши от фашистских захватчиков был награжден «Золотым Почетным знаком» Общества советско-польской дружбы.

С самого начала организации Общества старых нижегородцев при Литературном музее А.М.Горького Анатолий Иванович был хорошо знаком со многими его членами, бывал на собраниях. Был хорошо знаком с первым главным редактором журнала «Памятные записки» Кузнецовым Борисом Васильевичем.

Вглядываясь в старую фотографию, можно предположить, что Анатолий Иванович и Борис Васильевич, пройдя по Откоосу из Литературного музея А.М. Горького, свернули на трамвайную остановку и сфотографировались у одного из деревянных домов недалеко от Горьковской консерватории.

А.И.Сидоров был председателем Общества старых нижегородцев с 1994 по 2002 год. Ближайшими помощниками Анатолия Ивановича были его заместитель Ольга Александровна Капустина, бессменный секретарь Ирина Александровна Ивина, члены правления Александр Сергеевич Липовецкий, Игорь Александрович Кирьянов, Андрей Александрович Липовецкий, Антонина Николаевна Смылова, Лидия Анатольевна Елкина, Вера Николаевна Андрианова, Мария Михайловна Рудакова. Особенно яркими были выступления на собраниях ОСН редактора и организатора всей редакционной работы журнала «Памятные записки» Веры Николаевны Андриановой. Интересно проходили репетиции и концерты хора ОСН. Анатолий Иванович любил пение и с удовольствием участвовал в концертах хора. В выездных концертах перед началом программы он рассказывал слушателям об Обществе старых нижегородцев. Он был автором более 10 песен: «Гимн жизни», «О маме» и др. Эти песни часто звучали в сольной части концертов. Большой любитель украинских народных песен, он пел соло или в дуэтах на украинском языке.

Много внимания в тематике собраний ОСН он уделял нижегородским поэтам, их жизни и творчеству. Совместно с В.В. Половинкиным был подготовлен и проведен целый ряд собраний, посвященных нижегородским поэтам: Шестерикову, Пильнику, Рогову, Люкину и др. А также собрания с приглашением более молодых поэтов послевоенного поколения: Ю.Адрианова, Г.Бедняева, В.Частиковой. Особенно запомнились теплые встречи с поэтессой Вероникой Аркадьевной Частиковой.

Будучи внештатным корреспондентом нижегородских газет, Анатолий Иванович писал заметки о деятельности ОСН, а по местному радио оповещал о сроках и тематике собраний. К каждому собранию Общества Анатолий Ивано-

вич заготавливал самодельные пригласительные билеты с рисунками, стихами и подробными программами.

1945-1995 гг.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

Нижегород 1995 г.

*Когда я, где памятник павшим увижу,
Я скорбно склоняюсь с душой оной:
Я гибелью вашей, товарищи, выжила,
Вам вечная слава, поклон вам земной.*
Поэт-фронтовик.

9 мая 1995 года исполняется 50 лет Победы Советской Армии и труженников тыла над фашистской Германией.

Вы, старые нижегородцы, в большинстве своём были у истоков этой Победы.

Администрация литературного музея А. М. Горького и правление Общества старых нижегородцев поздравляют Вас, труженники тыла, поздравляют Вас, участники Великой Отечественной войны, непосредственно сражавшихся на полях боя с грозным врагом, наши дорогие товарищи:

В. И. Андрианова, С. Б. Емельянова, И. А. Забурдаев, А. Н. Зайкина, Е. П. Иорданская, Л. А. Комарова, В. Н. Лашин, А. С. Липовский, Е. А. Малюнская, С. А. Наумов, А. Ф. Никифоров, Г. П. Рогозина, А. И. Сидоров, А. Т. Смирнов, А. С. Теребилина, Е. П. Шейнова, М. В. Шипилова и желают Вам доброго здоровья, чтобы встретить ещё не один праздник Победы.

Приглашаем Вас на торжественное собрание, которое состоится 14 мая 1995 года в 12 часов по адресу: ул. Минина, музей А. М. Горького.

ПРОГРАММА:

1. Вступительное слово председателя Общества А. И. СИДОРОВА.
2. Приветственное слово директора музея А. М. Горького Т. А. РЫЖОВОЙ.
3. Доклад Д. П. ДРОБЫШЕВА, председателя городского совета ветеранов войны, труда и Вооружённых Сил.

„50 лет Победы над фашистской Германией“.

4. Выступление гостей и членов Общества.
5. КОНЦЕРТ.

Выступление хора Общества старых нижегородцев. Руководитель А. П. Аббекумова. Выступление солистов. Выступление частушечников: А. П. Аббакумовой, Г. П. Шипиной, М. В. Чекиной. Выступление танцевальной пары: М. П. Силовой и Г. А. Юдиной. Концертмейстер—Мария Подшивалова.

Типография АО «ГАЗ», з. 115, т. 150. 24.04.95 г.

6/Сибиряна Юлия Николаевна—"Весна" и "Встреча ветеранов". Она отсутствует. За неё прочтёт В.А.Рагрянцева.

7/Сидоров Анатолий Иванович—"Шлое, гмулое счастье" и "Вы, девчончики мои".

Чтение смзков с мест.
Может быть кто из присутствующих прочтёт свои смзки. Будем рады послушать.

7. ЗАМЕЧАНИЯ НА ПРОЧИТАННЫЕ СМЗКИ

Фигарев Александр Васильевич, от союза писателей Нижегородской организации.
Рысонский Александр Григорьевич, поэт, редактор издательства "Арабеск".

8. ОБЪЯВЛЕНИЯ

След. собр. 15 октября. Тема: Г. П. Виноградова расскажет о своей книге "Царствено поставленный город", посвящённые в Н.Новгороде в XIX-нач. XX вв. Кто знает что-либо о школах имени Дунаевского, Ленинского комсомола Горького, а потом и А. Бухарина, ШТЛ и т.д.? О враче-недотрапе А. С. Павловы? В наших "найти" записках мне известно.

9. КОНЦЕРТ ОБЩЕСТВА

Художественный руководитель и концертмейстер М. Ю. Подшивалова, ведёт концерт староста хора Э. Д. Рогачева.

БЛАГОДРНОСТЬ ЗА КОНЦЕРТ.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

НИЖНИЙ НОВГОРОД
СЕНТЯБРЬ 2000 года

Уважаемая/ий/ . . . . . пос. Игнатьев Володарского района.

Государственный музей А. М. Горького и Правление общества старых нижегородцев приглашают Вас на собрание общества, которое состоится в воскресенье 17. IX в 12ч. в Литературном музее/ул. Минина, 26/, посвящённое поэтическому творчеству членов общества старых нижегородцев. Вход свободный.

ПОВЕСТКА ДНЯ

1. Приветствие присутствующих—А. И. Сидоров
2. Избрание нового куратора общества с/г. научн. сотр. Елены Геннадиевны Гагановой вместо ушедшей в декрет И. А. Ледяевой.
3. Память минувшей молчания, ушедших из жизни моряков атомной подводной лодки "Курск", погибших в Варенцовом море 12 августа; Илюшкина Сергея Николаевича, капитана-лейтенанта, 28 лет, родом из Шатков, женатого, имеет 6 лет дочь, Горбунова Евгения Юрьевича, старшего училища, женатого, имеет сына 13 л., дочь 11 л. Белова Михаила Александровича, начальника, 25 л. Недавно женился. Его мама живёт в Богородске. Свечкарёва Владимира Владимировича, мичмана, 27 л. родился в Нижнем, женатого, имеет сына. Садовникова Владимира Сергеевича, старшину 21 статьи, 21 г. ушёл из

Почти минутой молчания наших товарищей: Пугачёва Виктория Александровна 21 года 78 г. / / и Александрову Победоносцеву Ана 71 г. / / и Елизавету Ивановну Николаеву 71 г. / /

4. Поздравление чл. общ., родившихся в О. А. Канусту
- /Мы должны извиниться, что не поздравившихся в VI, VII и VIII-ых до 400
5. Краеведческий календарь—А. И. Сидорова
6. **ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОЭТОВ, членов общества**
Я давно задумал выпустить сборник наших самодеятельных поэтов. Но пока керосин не имеет возможности. Кто может помочь, будет рад. У нас полось 7 поэтов. Представляю на выд:
1/ Ангелина Софья Марковна—"Бронзово-любый"
2/ Рагрянцева Виктория Александровна—"Вьётся едаль дорожка" и "Почерк"
3/ Мосарева Ия Владимировна—"50 лет нижегородскому кремлю".
4/ Левашова Майя Иосифовна—"Я ещё счастливой хочу". "Сень как ты и, как профессиональному поэту, дам впробусть 31 стихотв. нашего И. И. выпустила 3 сборника. Она это вует. За неё прочитаёт И. А. Рагрянцев
- 5/ Садовникова Надежда Степановна—"На злобу века" и "Стихотворение".

Сохранились некоторые пригласительные билеты за 1995, 1998 и 2000 годы. Они позволяют вспомнить темы собраний и воссоздать их теплую и трогательную атмосферу в Литературном музее А.М. Горького.

Любитель поэзии и литературы, Анатолий Иванович собирал самодельных поэтов Общества, а на концертах в сольной части программы всегда звучали авторские стихи. Всегда поддерживались живые связи с бывшими учениками Анатолия Ивановича, которые теперь работали в учреждениях культуры и иногда для Общества старых нижегородцев организовывали незабываемые экскурсии в музеи (Художественный музей, Строгановская галерея), где проводились и выступления нашего хора, и дружеские чаепития.

В тяжелые времена выручают взаимопомощь, дружба и сплоченность людей. В эти годы большую активность проявляли многочисленные диаспоры, возникали и развивались национальные культурные центры. Особенно добрые дружеские связи установились у Анатолия Ивановича с украинской общиной (председатель Л.Г. Громова) и Корейским культурным центром (Л.И. Тянь). Представители этих диаспор постоянно бывали на собраниях Общества, а концерты нередко украшались яркими выступлениями их вокальных и танцевальных коллективов.

В начале 2001 года Общество старых нижегородцев отмечало 80-летний юбилей А.И. Сидорова. Был подготовлен замечательный сценарий, в котором вся биография Анатолия Ивановича, солдата-фронтовика, педагога, краеведа, библиофила и неутомимого общественника была отражена в форме песни, стиха и связующей речи ведущего с участием хора, чтецов, солистов, а затем и самого юбиляра. А среди многочисленных подарков юбиляру был и торт в виде раскрытой книги – от корейской диаспоры и ее руководителя Любомира Тяня.

Одной из главных забот Анатолия Ивановича было не допустить потери хора Общества старых нижегородцев, в котором в качестве музыкального руководителя, дирижера и концертмейстера в одном лице работала без оплаты студентка консерватории Мария Подшивалова. Вместе с активом хора Анатолий

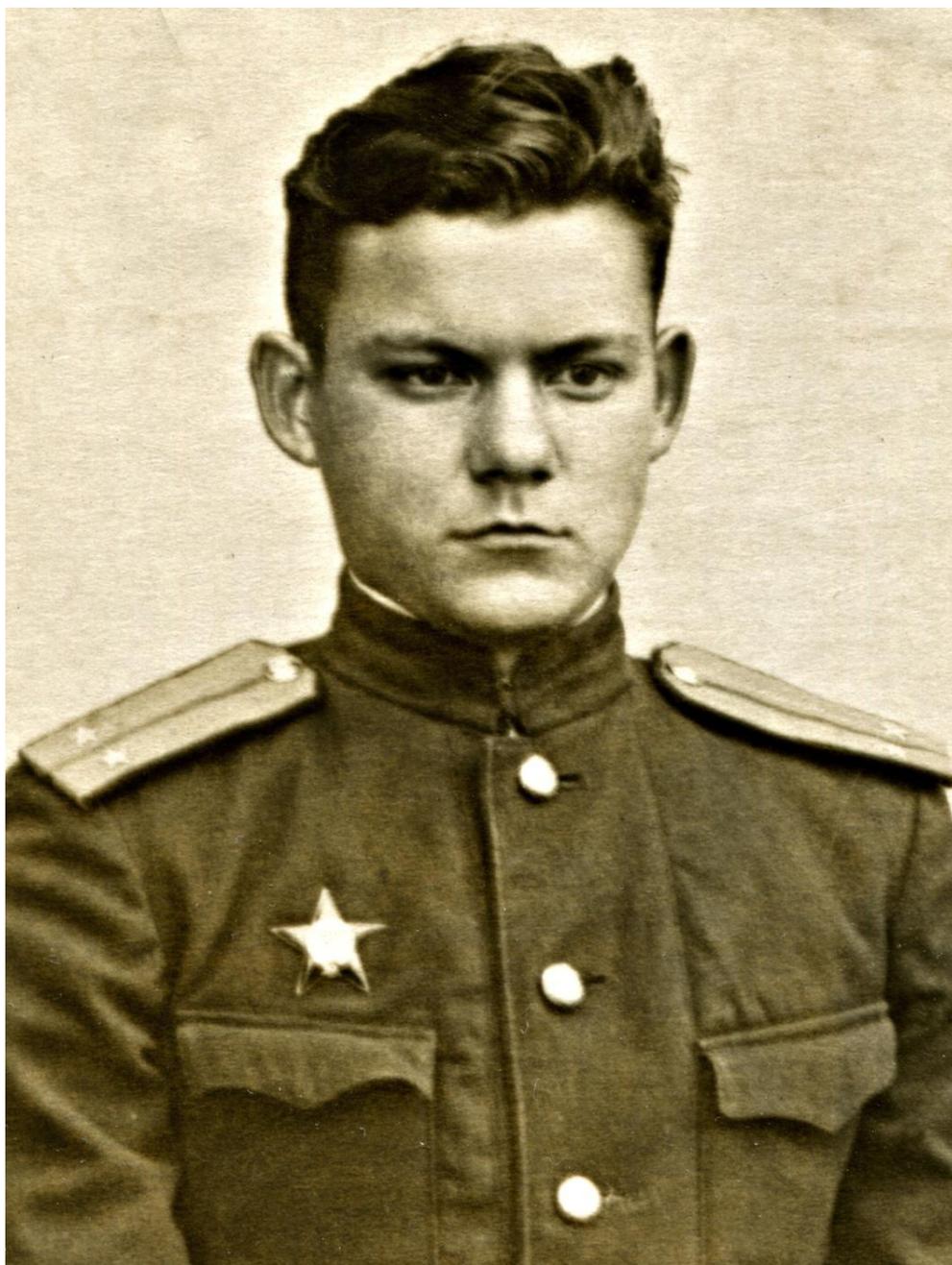
Иванович обращался за спонсорской помощью к нижегородским бизнесменам и в Департамент культуры Нижнего Новгорода, а также к мэру города Ю.И.Лебедеву. И благодаря этому Обществу старых нижегородцев удалось без потерь пройти через 90-е годы, сохранив хоровой коллектив и журнал «Памятные записки».

Анатолий Иванович умер 19 февраля 2002 года, не увидев новый 28-й том «Памятных записок», но успев собрать полностью материал к этому тому. Уже осенью 2002 года 28-й том вышел в свет, благодаря новому председателю Общества Ольге Александровне Капустиной, завершившей работу по его изданию. А в январе 2002 года были восстановлены ставки дирижера и концертмейстера хора Общества старых нижегородцев. И это радостное событие восстановления статуса нашего хора, о котором мы не могли и мечтать в те годы, когда распались не приносящие прибыли многочисленные коллективы художественной самодеятельности, произошло еще при жизни Анатолия Ивановича.

В год 70-летия Великой Победы на параде Победы мы с гордостью видим Анатолия Ивановича Сидорова идущим в рядах Бессмертного полка. И мы благодарны Анатолию Ивановичу за его подвижническую деятельность, в результате которой Общество старых нижегородцев сильным и работоспособным вошло в XXI век.

Успенская И.Д.; Успенский А.С.

**ОДИН ИЗ «БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА». Д.В. ПАТАРАКИН
(1924–2002 гг.)**

Д.В. Патаракин, 1944 г.

Мой отец — Дмитрий Васильевич Патаракин, принадлежит к тому святому и великому поколению, которое в Отечественную войну сохранило для

нас Родину и спасло мир от фашистской чумы. Сегодня известно, что из каждой сотни мальчиков, родившихся в 1920–1924 гг., из огненного пекла войны домой вернулось только трое.

Когда началась война, папе исполнилось 17 лет и за плечами было 9 классов школы № 9 города Горького, занятия лыжным спортом в обществе «Динамо», водный кружок Дворца пионеров им. В.П. Чкалова, парусная секция, руководимая М.В. Колокольцевым — известным хирургом и победителем многих регат Поволжья. День начала Великой Отечественной войны совпал с днем парусной Чкаловской гонки на Волге, в которой папа принимал участие.

Уже в июне-июле вместе с одноклассниками и друзьями он обивал пороги военкомата, а в октябре 1941 года добровольно ушел в вооруженные силы из десятого класса.

В своих воспоминаниях он писал о первых месяцах войны:

«В сентябре начались уроки в школе. Здание на площади 1 Мая занято под эвакуопункт. Мы — десятиклассники ходим на занятия в клуб МВД, почтамт, затем в одно из зданий университета около кино «Палас» и стадиона «Динамо». В один из выходных красим стропила на чердаке раствором извести против пожара от «зажигалок». С крыши хороший обзор. Видим, как над Волгой разворачиваются гидросамолеты Волжской военной флотилии и садятся у песчаной косы за мостом, на Стрелке. В Горький пришел и окрашенный шаровой краской штабной теплоход «Тура». В октябре начались регулярные налеты на город немецких самолетов. В небе скрещивались лучи прожекторов, резко стреляли зенитные орудия. Ближайшая батарея стояла за Жандармским оврагом, над Ромодановским (Казанским) вокзалом. Рядом с домом Григорьевых на Гребешке, на крыше двухэтажного деревянного дома был установлен пулемет «Максим». Такой же стоял на одном из домов Похвалинского откоса. Позднее на Гребешке, у лестницы, над монастырем поставили батарею 37 миллиметровых автоматических орудий. Такие же орудия по ночам стояли прямо на мосту. От Казанского вокзала до моста протянули железнодорожную ветку. Около бе-

реговой опоры у водной станции «Динамо» построили из брусьев эстакаду. Такая же эстакада соединила мост с портом на Стрелке. Мотовозы по рельсам перекатывали через Оку железнодорожные вагоны. В одну из ночей «Юнкерс» сбросил несколько бомб, пытаясь попасть в мост. Бомбы разорвались у винзавода (пл. Свободы), на Похвалинке, на площадке у водной станции и прямо в воде. У станции «Динамо» воронка была диаметром метров 15-20 и глубиной до 5–7 метров. 16 октября в Москве была паника. Многие бросились на Восток на машинах, на Владимир и Горький. На шоссе была масса заторов, аварий. В Горьком машины формировали в эшелоны и они уходили дальше на восток самоходом или на баржах. Странно было видеть в городе так много машин иностранных марок. Вся Воробьевка была заставлена ими. Объявили набор на курсы радистов. Витя Аменицкий, Валя Костюков стали ходить на курсы в Речное училище. Они первыми получили повестки в военкомат и были направлены в училище связи. Потом настала моя очередь. Шел экстренный набор в Военно-морское Бакинское медицинское училище... Медицинская комиссия работала в политехническом институте. Наш слух проверяли на сцене актового зала... Когда шел домой по Верхне-Волжской набережной обратил внимание на земляные работы там, где теперь кафе «Чайка», рыли бомбоубежище. Большое бомбоубежище строилось в кремле, на Ивановском съезде. Говорили, что строят КП для ставки Верховного командования. За день до отправки последний раз был в школе. На уроке физики Людмила Федоровна вызвала меня к доске. Я отказался. «Выйди из класса!». Я вышел. Класс зашумел. Раздались крики: «У него повестка! Он завтра в армию уходит!». Учительница растерялась, ей стало неловко, выбежала в коридор: «Извини, я не знала!». Я пошел домой. С отправкой тянули дня четыре. Каждое утро я прощался, шел в военкомат со своей корзинкой-плетенкой, а вечером возвращался. Из города нас набрали 83 человека...»

Вначале папу как и многих юношей, не достигших 18 летнего возраста, отправили в военное училище. Окончив Военно-Морское училище Береговой

обороны (Краснознаменное за оборону Севастополя), отец служил на Черноморском флоте в Отдельной бригаде сторожевых кораблей и тральщиков. Принимал участие в боевых походах, а также десантных операциях, связанных с освобождением от фашистов Румынии и Болгарии.

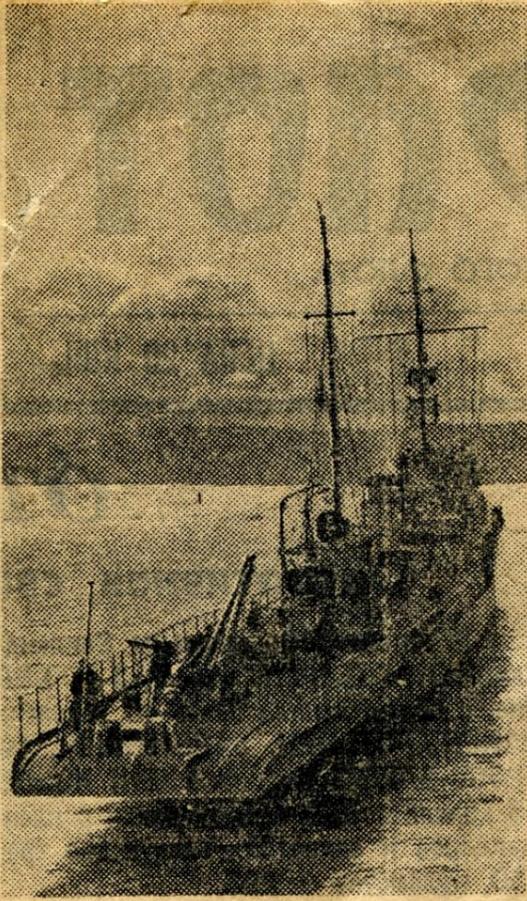
Тральщик, на котором служил папа, обеспечивал поиск, обнаружение, уничтожение морских мин и проводку судов Черноморского флота через румынские минные заграждения. Он имел не только номер, но и имя — «Щит» и был удостоен звания Краснознаменного корабля.

Папа бережно хранил вырезку из газеты о своем любимом боевом корабле.

В конце октября 1944 года данный корабль совершил переход в Севастополь в сильнейший шторм в 9-10 баллов, где в районе мыса Херсонес провел контрольные траления фарватеров для проводки Черноморской эскадры в главную базу.

Сентябрь 1944 г. Болгария, г. Варна.
Третий слева — Д.В. Патаракин

Черноморский флот. Тральщик выходит в море на боевое траление.

«Кр. флот» 18 марта 46 г.
Тральщик „Щит“

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ, 17 марта. (По телеграфу от корр. «Красного Флота»). Многими отважными боевыми делами прославился экипаж тральщика «Щит». Тральщик последним уходил в октябре 1941 года из Одессы, эвакуируя части прикрытия. Велики заслуги корабля в героической обороне Севастополя. За время войны тральщик отконвоировал 200 транспортов, перевез более 40 тысяч бойцов, эвакуировал в глубокий тыл раненых. Экипаж отразил атаки свыше 400 вражеских самолетов.

В суровых морских сражениях на тральщике выросли замечательные люди, подлинные мастера своего дела: офицеры Львов, Недориченко, Кириллов, бывший командир тральщика капитан 3 ранга Гернгросс. Краснофлотцы и старшины Васильянов, Баглай и Гофайзен за время войны стали офицерами. Отличным знатоком своего дела является сигнальщик старший красnofлотец Вадченко. В девятибалльный шторм Вадченко обнаружил на пути корабля плавающую мину. Несколько раз благодаря бдительности сигнальщика тральщик смог увернуться от вышущенных врагом торпед. Мотористы Сержанов, Агафонов, Степаненко, руководимые командиром БЧ-V офицером Кирилловым, в любых условиях, при самых сложных операциях отлично справляются со своими обязанностями. Орудие старшины 1 статьи Левинского отразило десятки воздушных атак, подбило три «Юнкерса». Благодаря высокой натрекированности расчета это орудие в два раза превысило скорострельность, предусмотренную нормативами. Умелые минеры Кошель и Илларионов только за одну операцию вытралили 15 мин.

Таковы боевые дела и люди этого тральщика.

Вырезка из газеты «Красный флот» с заметкой
«Тральщик «Щит»

40

п. н. 9879 с 45

ОТДЕЛЕНИЕ
РАСЧЕТНО

144

П Р И К А З

**КОМАНДИРА ОТДЕЛЬНОЙ БРИГАДЫ СТОРОЖЕВЫХ КОРАВЕЙ
ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА**

" 21 " октября 1944 года № 5с порт Констанца

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество - **Н А Г Р А Ж Д А Ю:**

Орденем "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

✓ 1. Старшину 1-й статьи АГАФОНОВА Анатолия Федотовича	- Командира отделения мотористов ВТЩ"ЩИТ" ОБСКР ЧФ
✓ 2. Краснофлотца АКСЕНОВА Георгия Георгиевича	- Комендора ВТЩ"ЩИТ" ОБСКР ЧФ
✓ 3. Старшего лейтенанта мед. службы ЛИРНИК Степана Иосифовича	- Старшего фельдшера ВТЩ"ЩИТ" ОБСКР ЧФ
✓ 4. Лейтенанта НЕДОРИЧЕНКО Николая Григорьевича	- Командира ВЧ-1 ВТЩ"ЩИТ" ОБСКР ЧФ
✓ 5. Лейтенанта ПАТАРАКИНА Дмитрия Васильевича	- Химика 1-го ДСКР ОБСКР ЧФ
✓ 6. Краснофлотца СУПРУН Сергея Савельевича	- Рулевого ВТЩ"ЩИТ" ОБСКР ЧФ
✓ 7. Старшину 1-й статьи СЕРЖАНОВА Алексея Александровича	- Командира отд. мотористов ВТЩ"ЩИТ" ОБСКР ЧФ
✓ 8. Главного старшину ТОКАРЕВА Константина Павловича	- Старшину группы мотористов ВТЩ"ЩИТ" ОБСКР ЧФ
✓ 9. Старшего краснофлотца ФИЛИППОВА Алексея Инокентьевича	- Старшего комендора ВТЩ"ЩИТ" ОБСКР ЧФ

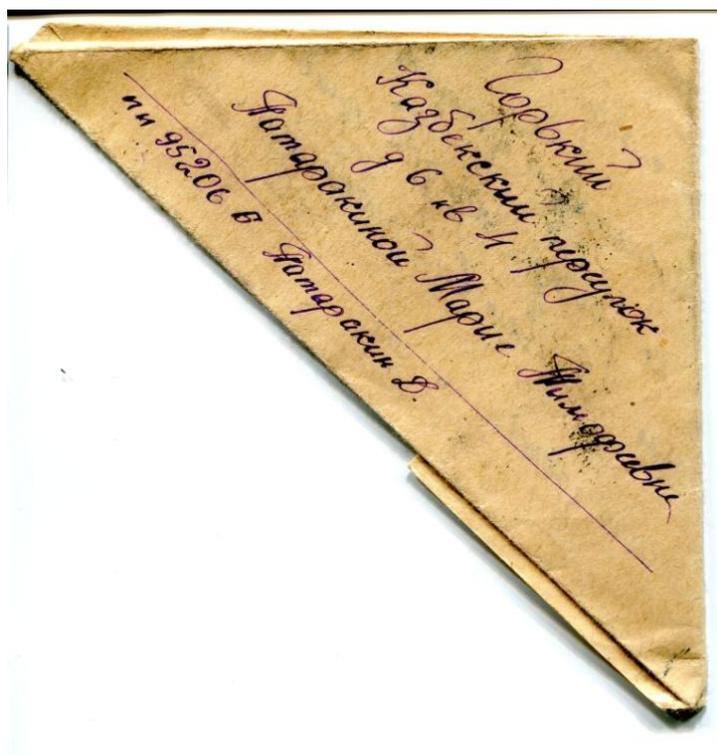
Медаль "ЗА ОТВАГУ"

✓ 1. Краснофлотца ЖУЖА Николая Демьяновича	- Трехного машиниста ВТЩ"ЩИТ" ОБСКР ЧФ
✓ 2. Краснофлотца ЛЕБЕДИК Александра Антоновича	- Моториста ВТЩ"ЩИТ" ОБСКР ЧФ

//////////

Приказ о награждении орденом «Красная Звезда»

Здесь, в Севастополе на Телефонной пристани, рядом с Графской, 22 октября 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования по овладению портами Констанца и Варна и проявленные при этом доблесть и мужество лейтенант Патаракин Дмитрий Васильевич был награжден орденом «Красная Звезда», о чем он написал родителям в своем фронтовом письме-треугольнике, которое хранится в нашей семье.

Письмо с фронта от Д.В. Патаракина

В последующем он был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями. По рассказам папы Севастополь в тот период представлял жуткую картину — сплошные руины.

9 мая 1945 г. - День Победы он встретил в Ленинграде, куда был направлен на учебу в Высшую школу контрразведки Военно-морского флота. Позднее папа говорил, что кроме специальных предметов в этот период обучения их постоянно водили по музеям, театрам, концертным залам, знакомили с мировой литературой, насыщая большой культурой. С 1946 по 1947 гг он был стажером отдела контрразведки Северного флота. Надо сказать, что очень многие друзья юности, приобретенные в этот период, сопровождали его всю жизнь.

Ленинград, 1946 г. Подпись Д.В. Патаракина:
«Осколки хорошей большой компании, которая умела дружить»

В 1947 году им было принято решение закончить военную службу. Это был непростой и рискованный шаг, учитывая отдел, в котором он служил. Несмотря на вызовы и беседы, проведенные с ним на Лубянке, папа проявил большую твердость и был демобилизован.

Как и многие настоящие фронтовики он достаточно скупно рассказывал о войне. Но даже из того немного было ясно, что он мог неоднократно погибнуть, как погибли его многие боевые товарищи. Так, когда училище базировалось в Ленкорани, их — курсантов построили в шеренгу, приказали рассчитаться на «первый и второй» и всем, кто был «первый» было велено выйти из строя. Этим юношей бросили в сражения на защиту Кавказского хребта, где все они сложили свои головы. По воле случая папа был «вторым».

Запомнился и рассказ о том, как в одном из боевых походов командиру их тральщика, который должен был возглавлять строй кораблей, неожиданно пришел приказ перестроиться и идти последним. Через несколько часов судно, шедшее впереди, подорвалось на вражеской мине и весь его экипаж погиб.

После демобилизации и возвращения в родной город папа поступил на радиофизический факультет университета, но через год по совету профессора Михаила Яковлевича Алферьева перешел на кораблестроительный факультет Горьковского института инженеров водного транспорта. «Вы — наш» — сказал ему уважаемый профессор, ставший позднее научным руководителем дипломного проектирования. В последующем среди блестящей плеяды профессоров и преподавателей папа всегда вспоминал одного из создателей кафедры технологии судостроения, инженера-сормовича Д.В. Галку, который, «сумел привить уважение к заводской работе и впервые познакомил нас — студентов с заводом «Красное Сормово». Учеба была «с интересом, захлеб». За время учебы состоялось две военно-морских практики, проходивших в Севастополе

Севастополь, 4 бастион, 1952 г. Военно-морская практика.
Стоит 2-ой слева Д.В. Патаракин

Плавательскую практику папа выбрал по своему характеру — это была арктическая экспедиция от Ленинграда до Игарки на деревянной парусно-

моторной шхуне. Наряду с учебой была активная общественная работа (председатель профкома, редактор стенной газеты), занятия спортом

Годы студенчества. На лыжне

В это счастливое время он встретил любовь всей своей жизни — нашу с братом маму — Анну Алексеевну (урожденную Рыбкину), которая тогда была студенткой медицинского института.

По окончании института и вручения диплома с отличием инженера-кораблестроителя Патаракина направили на работу в инспекцию Регистра СССР в Румынии.

1954 г. перед отъездом в Румынию. Д.В. Патаракин с женой Анной Алексеевной, матерью Марией Тимофеевной и отцом Василием Дмитриевичем, награжденным орденом Ленина

На вопрос: «Куда бы он хотел поехать работать в Румынию?» папа ответил со свойственным ему романтизмом: «Туда, где самое красивое место на Дунае». В обязанности инженера-инспектора входило освидетельствование судов Советско-Дунайского Государственного пароходства и наблюдение за постройкой судов. Здесь требовалось знание иностранных языков, и папа серьезно занимался английским, немецким, а при необходимости и румынским. Он писал: «Именно с тех лет — кругозор, стремление узнать о судостроении как можно больше, постоянный интерес не только к отечественной, но и иностранной технической литературе». Три года напряженной работы в заграничной командировке прошли без срывов и замечаний.

После возвращения в Советский Союз вся дальнейшая трудовая деятельность отца была связана с работой в отечественном судостроении. С 1957 по 1962 год он работал на заводе «Красное Сормово», где последовательно прошел путь от старшего инженера-технолога до заместителя главного технолога заво-

да. В 1962 году был направлен на работу в Волго-Вятский Совет Народного хозяйства, где до 1964 года работал начальником технического отдела управления судостроительной промышленности. После упразднения совнархозов в сентябре 1964 года приглашен на должность главного инженера, заместителя директора по научной работе вновь созданного Горьковского филиала Центрального научно-исследовательского института технологии судостроения. В этой должности он проработал более двадцати лет до января 1985 года. В 1976-1977 гг. официально исполнял обязанности директора филиала. По достижении пенсионного возраста (60 лет) в 1985 году по собственной инициативе покинул руководящий пост и был переведен на должность старшего научного сотрудника.

За годы активной инженерной деятельности мой отец принимал личное участие в работах, связанных с реконструкцией судостроительного производства завода «Красное Сормово», выполнял, организовывал работы, связанные с устойчивой перспективой развития Навашинского судостроительного завода «Ока», Городецкой судостроительной верфи, а также внес значительный вклад в развитие производства всех шестнадцати судостроительных заводов волжской зоны. Им на заводах отрасли были внедрены новые прогрессивные технологические процессы и средства технологического оснащения. Он являлся автором семи свидетельств на изобретения, 17 научных статей по различным вопросам развития технологии судостроительного производства. Более 30 лет возглавлял секцию технологии судостроения Волжско-Камского Правления Научно-технического общества (НТО) им. академика Крылова, был Почетным членом НТО СССР, чем очень гордился.

Огромный опыт работы и аналитический склад мышления позволил папе осознать, что технологическое проектирование современных судостроительных предприятий невозможно без научно-технического прогнозирования. Итогом работы в этом направлении стала его диссертационная работа «Информационная модель судостроительной верфи и ее прогностические возможности», которая блестяще была защищена на Ученом Совете Ленинградского Кораблестро-

ительного института в октябре 1983 года. Работа была столь высокого уровня и степени новизны, что было выдвинуто решение о присуждении докторской степени. К сожалению, как это нередко бывает с неординарными, новаторскими работами, папин труд стал жертвой закулисной борьбы двух непримиримых школ. Работа была отправлена на рецензию так называемому «черному оппоненту», вынесшему отрицательный вердикт на присуждение ученой степени. Несмотря на несправедливость решения ВАКа, которая совпала с временем глубокой личной драмы, связанной с неизлечимой болезнью любимой жены, папа мужественно выдержал и этот удар судьбы. Он говорил, что в результате защиты предложенная методика решения сложных прогностических задач в области технологии судостроения стала известной и получила распространение. А это для него было самое главное.

Сейчас много говорят об энергетической безопасности страны, о необходимости совершенствования шельфовой разработки добычи нефти и газа. В этом плане следует сказать, что Дмитрий Васильевич Патаракин был одним из наиболее активных участников разработок, направленных на формирование новой тогда судостроительной подотрасли, связанной с созданием технических средств морской добычи нефти и газа. Именно он министерским приказом был утвержден в качестве научного руководителя по технологии и организации производства первой отечественной плавучей самоподъемной буровой установки «Баку». Важно отметить, что при непосредственном участии отца в те годы впервые в советской практике были проведены серьезные консультации с рядом ведущих зарубежных фирм: норвежской Акер Групп, японской Мицубиси и др. Папа был участником первого советско-норвежского симпозиума в Москве по проблеме «Шельф», был в составе небольшой рабочей группы, посетившей заводы фирмы Раума-Репола для знакомства с финским опытом строительства морских буровых платформ. При его непосредственном участии в нашей стране началось серийное строительство морских буровых платформ. За создание и освоение серийного производства плавучих полупогружных буро-

вых установок для бурения на континентальном шельфе Д.В. Патаракину в 1988 году была присуждена Премия Совета Министров СССР.

Диплом лауреата Премии Совета Министров СССР

Необходимо также сказать об участии отца в работе по созданию отечественных экранопланов, за которую он в числе прочих, был награжден Правительственной наградой — медалью «За доблестный труд». Его трудовая деятельность была также отмечена медалью в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, медалью «Ветеран труда», серебряной и бронзовой медалями ВДНХ.

Папа был очень жизнелюбивым, с чувством юмора, необычайно любознательным, искренним, исключительно порядочным и доброжелательным человеком, готовым всегда прийти на помощь, укрепить в трудную минуту делом и мудрым советом. Он умел любить и дружить.

Его энциклопедические знания поражали, а руки умели очень многое делать. Его страстью были книги, музыка, балет и, конечно же, речные просторы и вечно дорогой сердцу Нижний Новгород. Он обладал редким душевным обаянием, под которое попадали все, кто с ним общался.

Д.В. Патаракин с женой, детьми и родней со стороны жены.
Саранск, 1968 г.

75-летие Д.В. Патаракина. В кругу самых близких.
Справа от Д.В. Патаракина Евгений Ефимович Антонов,
с которым они дружили с первого класса школы

Сверстник моего папы, писатель-фронтовик Юрий Бондарев так сказал о своем поколении: «Наше поколение — те, что остался в живых, — вернулось с войны, сумев сохранить, пронести в себе через огонь этот чистый, лучезарный мир, непреходящую веру в будущее, в молодость, в надежду. Но мы стали непримиримее к несправедливости, добрее к добру, наша совесть стала вторым сердцем. Ведь эта совесть была оплачена кровью...». В полной мере это высказывание относится и к моему отцу, который ярко и достойно прожил свою жизнь.

Вера Николаевна Андрианова

Магдебург, 1946 г.

Северо-западный фронт, 1943 г.

1944 г.,
2-ой Белорусский фронт

конец 1980-х годов

Этот 2015 год — особенный. Он запомнится многим, как год празднования 70-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне. Также, как когда-то все советские люди от мала до велика поднялись на борьбу с врагом, сегодня подготовка к празднованию юбилея Победы стала делом всенародным. Трудно было бы отыскать такую организацию или учреждение, где бы не было запланировано своего поздравления ветеранам или посвящения памяти павших.

К дню Победы в Музее А.Д. Сахарова была организована презентация выставки «*Их именами названы улицы нашего города*». На выставке были представлены фотоснимки улиц, мемориальных досок, памятных знаков, бюстов, посвященных героям войны. Авторы фотографий Б.С. Извеков, Б.Н. Кирпичников и М.В. Шайхутдинова.

При знакомстве с выставкой, обращает на себя внимание то обстоятельство, что хотя со дня Победы прошло уже семь десятилетий, память о людях, которым довелось быть участниками боевых действий, увековечена все же недостаточно, если учесть, что имена выдающихся полководцев и имена героев, чьи подвиги стали легендарными, носят улицы, скверы, площади почти в каждом населенном пункте. Но ведь на фронт уходили из каждого дома, из каждой школы, больницы, завода, института и т. д. Во многих учреждениях имеются памятные доски с именами ушедших на войну и не вернувшихся с полей сражений. Только в одной книге Б.С. Извекова и А.В.Кессель «Нижний Новгород. Историческое и культурное наследие» имеются сведения о 137 таких памятных досках. И несмотря на то, что фамилии этих фронтовиков не у всех на слуху, их вклад в дело великой Победы от этого не становится меньше, и возникает желание о них тоже «поведать миру». А в продолжение темы напрашивается другое название выставки «*Их именами еще не названы улицы нашего города...*». Не случайно в нашей стране год от года разрастается движение «Бессмертный полк». В этом году в этой акции приняло участие около 12 млн человек. Люди вышли на улицы грандиозным шествием семейной памяти, неся портреты своих родных, погибших или прошедших войну. Большинство участников акции

представляли второе, третье и даже четвертое поколение, явившееся на свет после Победы. Это событие в очередной раз показало, что память о войне жива, что формы ее существования меняются в соответствии со сменой поколений.

Общество старых нижегородцев, созданное в 1960 году, почти целиком состояло из людей, на долю которых выпало военное лихолетье - участников войны и, как сейчас принято называть, тружеников тыла.

С течением времени их все меньше в наших рядах, в этом году на собрание, посвященное Дню Победы пришло всего 3 ветерана-фронтовика. Тем более ценными для нас становится каждая крупинка их личных воспоминаний.

Журнал «Памятные записки» уникальное рукописное издание, сохранившее на своих страницах для потомков воспоминания нижегородцев - участников войны, которых сегодня уже нет с нами. Листая, напечатанные через копирку на пишущей машинке пожелтевшие страницы тома №26 за 1995 год, можно познакомиться с мемуарами Веры Николаевны Андриановой.

Вера Николаевна стала членом Общества старых нижегородцев в 1985 году, с 1986 года член редколлегии журнала «Памятные записки». Ее стараниями, усердием и вдохновением (буквально от слова «вдохнуть жизнь») журнал был возрожден и стал вновь востребован. Она спасла ему жизнь, так же как спасала жизнь на фронте солдатам.

В канун юбилея великой Победы редколлегия журнала приняла решение переиздать очерк В.Н. Андриановой «Самые памятные пять лет моей жизни». Это наш боец «Бессмертного полка». Этой публикацией мы присоединяемся к акции, словно проносим портрет Веры Николаевны по улицам родного города. Хочется надеяться, что благодаря публикации, память об этом человеке будет долго жить в сердцах нижегородцев, а ее воспоминания об участии в ВОВ будут читать и перечитывать не одно поколение нижегородцев.

*Публикацию подготовила
гл. хранитель Музея А.Д.Сахарова
М.В. Шайхутдинова*

Андреанова В.Н.
(кандидат медицинских наук,
капитан медицинской службы в отставке,
инвалид ВОВ I группы)

САМЫЕ ПАМЯТНЫЕ ПЯТЬ ЛЕТ МОЕЙ ЖИЗНИ (К 50-летию Великой Победы)

О войне мы узнали 22 июня 1941 года во время подготовки к очередному экзамену за 3 курс медицинского института.

Для тех, кто не уехал на лето домой, занятия начинались 1 августа. Все факультеты объединены в единый лечебный факультет, педиатрический и санитарно-гигиенический — ликвидированы. Значительно была пересмотрена программа: глазные болезни, ухо, горло, нос, детские болезни, психиатрия и ещё что-то было исключено, зато прибавилось часов по хирургии, травматологии, токсикологии, военному делу.

В первых числах октября всех ребят с нашего и последующих курсов мы проводили на большом пассажирском пароходе «Лермонтов» вниз по Волге. Около 80 человек переводились на военный факультет Саратовского мединститута. Из нашей группы уезжало 9 ребят. Это было и торжественно, и радостно, и грустно одновременно. Мы уже так привыкли учиться одной большой семьёй, вместе готовиться к экзаменам, фотографироваться на Щёлковском хуторе, и вдруг мы расстаёмся. Надолго ли? Уже было это — мы провожали своих ребят на финскую войну. Готовили им гусиное сало, вязали носки, варежки, шили маскхалаты. Большинство из них вернулись. Теперь мы тоже надеялись на недолгое расставание.

Мы свою учёбу прерывали то уборкой капусты на полях Борского района, то разгрузкой соли с баржи среди Волги, то копанием противопожарных рвов на юге области, а позднее, осенью, всем курсом в мёрзлой земле долбили огневые точки, гнёзда для зениток в крутом берегу реки Оки в городе Павлове.

Пока мы там жили, начались бомбёжки города Горького — Автозавода, Канавина, Мызы. Одна бомба упала близко к моему дому, попав в угловой дом

на пересечении улиц Горького и Трудовой, напротив церкви. От дома ничего не осталось. Жители были, конечно, мертвы. Мы дрожали за своих родных, но они прятались в щели, бомбоубежища, и всё обходилось благополучно.

Несмотря на такое отвлечение от учёбы, занятия шли успешно, писали лекции, дежурили ночами в госпиталях. Особенно сильное впечатление осталось от раненых с деформацией лица (они лежали в госпитале, где сейчас больница № 38, на Гребешке) и дистрофиков из Ленинграда, которыми было занято всё здание Областного суда. Первым мы мало чем могли помочь, только пытались убрать от них все зеркала, а со вторыми было сложнее, они всё время просили есть, а кормить их надо было по строгому режиму, с определёнными интервалами.

Время летело так быстро, что весна 1942 года вместе с успешными боями под Москвой подошла незаметно. Тут нам объявили, что наша учёба в институте заканчивается в июне, будут Гос. экзамены, и ускоренным выпуском мы подготовлены для помощи Красной Армии. Медицинские работники остро необходимы для этих целей во всех воинских частях.

От Гос. Экзаменов не осталось никаких воспоминаний. Банкет для выпускников был в столовой Речного училища, в подвале, тут нам и сказали, что дипломов мы не получим, а дадут нам лишь временные удостоверения.

На следующий день, 14 июня 1942 года нам всем было предложено собраться утром к Областному военкомату на Ошарскую площадь. В то время она была выстлана булыжником. Вся площадь была занята врачами с вещевыми мешками за плечами, нас было 450 человек, а по тротуарам толпились мамы, сёстры, братья, родственники. Это была уже третья партия медиков, отправляемая из г. Горького на фронт. Сначала призвали тех, кто кончил институт в 1941 году и к началу войны уже где-то работал. Большинство из них пошли в армию. В марте 1942 года были также ускоренно, досрочно выпущены студенты, поступившие в 1937 году. Они по плану должны были кончить институт летом 1942 года. их было тоже около 450 человек и тоже все они были направле-

ны в распоряжение Горьковского военкомата, который обеспечивал запросы фронта. Таким образом за 1942 год только один Горьковский мединститут им. С.М. Кирова пополнил ряды армии более, чем 1000 медиков-врачей.

Наш выпуск в полном составе в «телячьих» вагонах был направлен в Москву. Расположились мы на улице Баррикад в общежитии ГИДУВа (институт усовершенствования врачей). Ой, сколько нас там было!?! Туда же приехали и наши мальчишки из Саратова. Началось обмундирование. Это запомнившийся на всю жизнь эпизод приобщения к военной дисциплине. Мы обязаны были брать «что дают»! А давали... пилотки без размера головы, которые часто лезли на нос, звёздочки к пилоткам – отдельно, гимнастёрки и юбки далеко не всегда по размерам, вместо сапог мы все получили мужские штиблеты (со штрипками) размера 40-42 и чулки, выкрашенные красным стрептоцидом (оранжевые); вместо телогреек нам выдали стёганые зипуны по колено и к ним белый брезентовый ремень.

Если бы во время войны не были закрыты фотографии и не запрещены личные фотоаппараты, и, если бы мы тогда были уверены, что останемся живы и будем вспоминать этот «маскарад», обязательно следовало бы сфотографироваться! Но всё это осталось только в памяти.

Ребята жили в этом же общежитии, они приходили к нам, помогали подгонять обмундирование, приделывать на воротник змейки и шпалы, которые мы получили как знак звания «капитан мед. службы», учили подшивать подворотнички и приветствовать лиц старших по званию в 3 приёма: правую руку вытянуть на уровень плеча, развернуть её ладонью вверх, затем согнуть её в локте и коснуться средним пальцем виска чуть выше и впереди уха. Всё это мы выполняли и смеясь, и сквозь слёзы.

Каждое утро после завтрака нас выстраивали в предлинном коридоре по росту, приезжали «купцы» из воинских частей и отбирали: 50 человек на Калининский фронт, 50 — на Ленинградский, 50 — на Северо-западный. Я попала в

первый же день в число 50 низкорослых на СЗФ. С этого фронта у меня началось знакомство с войной.

Приехали в штаб фронта в г. Валдай. Отсюда все «разбежались» по разным воинским частям и со многими более никогда не виделись.

Я попала в 200-ю стрелковую дивизию. Начсандив дивизии был горьковчанин и когда ему доложили, что приехала врач из Горького, он меня сразу принял. Я вошла к нему в палатку, он ахнул: «Кто это Вас так обрядил?» Пришлось сослаться на столицу. Говорили мы долго, он обо всём расспрашивал. Его семья жила на улице Краснофлотской, и, когда я сказала, что там не бомбили, он был очень рад. Направил меня младшим врачом в 648 стрелковый полк взамен врача, уезжающего в декрет. Потом я узнала, что дивизию эту зовут «дикой, зелёной, непромокаемой». Почему так? Формировал эту дивизию полковник Шатилов В.М. в г. Бузулуке и весь рядовой состав был из киргизов, узбеков, казахов, командный состав, в основном, украинцы. Дивизия эшелонам ехала из Бузулука до станции Крестцы под Старой Руссой. Остановка в лесу, по команде все выскочили из вагонов, их построили поротно и повели в бой, на соприкосновение с наступающими немцами. Это было в мае 1942 года, под ногами хлюпала вода – было болото, лес быстро поредел, стал низкорослым. В первых же боях нацмены вели себя дико – если кого-то из них ранило, то все соседи бросали ружья, бежали к раненому, вставали вокруг него на колени и молились аллаху. Для немцев это было мишенью, одной мины хватало, чтобы положить всю «кучу».

Обмундировывалась эта дивизия в зелёные английские шинели и воевала она, как правило, на болотах, вот потому и была «зелёная» и «непромокаемая». Вот с этой 200 дивизией и связаны все мои воспоминания, так как служила я в ней до расформирования.

Младший врач полка должен принимать больных и раненых, перевязывать, шинировать переломы, при кровопотере переливать кровь, проводить противошоковые мероприятия, вводить противостолбнячную сыворотку. Кста-

ти, являясь универсальным донором, имея I (0) группу крови, я лежала на соседний стол с раненым, и моя кровь прямым переливанием передавалась раненому. Было это много раз, уже не помню сколько в течение трёх лет.

Если на передовой спокойно и требуется помощь единичным больным, то всё это делает младший врач, если начинается боевая операция, начинается обстрел наших позиций или немцы «лезут» в атаку, то поток раненых увеличивается и тогда в их обслуживание включается вся санитарная рота. Бывали и тихие вечера, когда, наслаждаясь тишиной, мы усаживались на брёвнышко и украинцы тихо запевали свои мелодичные песни, среди мужских голосов выделялся звонкий девичий голосок фельдшера Катюши. Иногда эти импровизированные концерты продолжались у нас за полночь, а иногда прерывались начавшимся обстрелом.

В августе 1942 года поступил приказ о приближении медицинской помощи к передовой. Тогда старший врач полка Т.Т. Кургузов направил меня вместе с 3 фельдшерами батальонов на этот передовой медпункт, примерно в 500 метрах от передовой. Это было в центре болота Сучан (оно занимало всю площадь топографической карты). Углубляться в землю было нельзя – первая же лопата поднимала воду, поэтому мы устроились жить в еловых шалашах, на землю наложили много лапника. Так можно было спать вполне прилично, но так как это было близко к передовой, то часто осколки снарядов и пули пробивали наше жилище насквозь.

Стоило мне только уехать из санроты, расположенной в 1,5–2 км от передовой, как немцы решили показать «на что они способны». Днём весь состав санроты изучал использование противогаза в большой ППМ-овской палатке. Начался миномётный обстрел местности «по квадратам» и 2 мины разорвались рядом с палаткой. Пробило покрытие и белый намет, убило троих и троих тяжело ранило. Вся палатка оказалась в крови и следах мозга ф-ра Трояновского, которому сняло скальп. Старший врач срочно послал за мной на передовой пункт ездового с лошадей, на которой было мужское седло. С трудом взобрав-

шись на лошадь, я всё же быстрее доехала до санроты, чем пришла бы пешком. Было страшно. Убитых положили к ручью, надо было заниматься ранеными в голову, живот, шею, в руки. Всех после перевязки срочно направили в МСБ, а через несколько дней, когда сменили место расположения санроты, мы с фельдшером Катей, единственной женщиной в санроте, положили белый намёт палатки в лодочку-волокушу, завели её на мелководье в реке Ловать и основательно выстирали. Отошли все кровавые пятна. Санитары высушили его на кустарнике и вновь подвесили, как подкладку под брезентовую палатку. Теперь только сильный дождь попадал внутрь. С учётом этого приходилось ставить перевязочные столы. После этой стирки я вновь уехала на передовой медпункт.

Дел так было всегда много, но кроме перевязок приходилось осваивать технику «криминального контроля». После первых столкновений с немцами среди рядовых солдат появились самострелы — ради спасения жизни стреляли себе в кисть или стопу. Такие ранения мы научились быстро выявлять. После выстрела с близкого расстояния вокруг дефекта кожи остаётся чёрная окалина, часто нитки от ткани. Таких «храбрецов» мы отправляли в МСБ, а оттуда, после трибунала, они обычно не возвращались.

Были и другие «фокусы» - обычно к концу дня в медпункт приходили солдаты с жалобой, что они слепнут после захода солнца. Не полноценное питание с недостатком жиров действительно могло привести к авитаминозу А, так называемой «куриной слепоте», когда резко ослабевает зрение вечером. Проверить эти жалобы очень трудно, никаких объективных данных нет, но мы и тут нашли выход. Вдалеке от медпункта, на лесной тропе, санитары вырыли поперёк траншею на 2 лопаты, она заполнялась водой. Ширина — больше обычного мужского шага. Когда становилось темно, я строила всех «слепцов» и в темпе вела их по тропе. Если человек видит, он инстинктивно перешагнёт канаву, сделав шире шаг, если же не видит — попадёт в канаву. Первые в ту же ночь возвращались на передовую, вторые оставались в санроте, и мы лечили их рыбьим жиром.

Был у нас там такой «куръёз». Мы с фельдшером Мининбаевым сидели за одним котелком, привезённым с супом, котелок стоял на большом пне. Видимо, когда-то в этом мелколесье на болоте были и большие деревья. К свисту пуль мы привыкли и не очень-то обращали на них внимание. Вдруг из котелка в обе стороны суп стал выливаться двумя струйками. В чём дело? Оказывается, какая-то шальная пуля или осколок пробил наш котелок насквозь. Могла бы и в нас попасть, но обошлось.

Ночами костёр мы не жгли, так как над нами летали немецкие самолёты. Над нашими боевыми порядками немцы выключали мотор, планировали почти беззвучно, а лётчики кричали на ломаном русском языке: «Рус, переходи к нам, у нас есть мясо, сало, шоколад!» это нас смешило, а солдаты пытались из боевых винтовок или противотанковых ружей — ПТР — стрелять в этих крикунов. Иногда, правда редко, мы замечали, как немецкая машина с солидным хвостом чёрного дыма направлялась в сторону «родных пенатов». Очень запомнился ещё один манёвр немцев. Когда наступила зима, и земля покрылась белой пеленой, как-то с немецкого самолёта посыпались «партийные билеты». Если на снегу лежит красная книжица определённого формата, никто из наших не пройдёт мимо! А это оказывалась очередная немецкая фальшивка.

В спокойные дни мы с фельдшерами по очереди ходили в расположение их батальонов и даже в боевое хранение, это где-то 300 м от немцев, проверяли здоровье бойцов и носили в своих касках хлорную известь, чтобы дезинфицировать ровики. Как-то мы пошли в I батальон, идём мелким, низкорослым соснячком, и вдруг слышим немецкую речь. Мининбаев, как кадровый военный, быстро сориентировался, молча прижал меня к земле. Между стволами деревьев мы видим, что 2 немца с автоматами на шее несут большой термос с едой. Видимо, заблудились в этих болотных дебрях, где линия обороны была не сплошной, а располагалась лишь на более сухих участках, где можно было вырыть траншеи. Пролежали молча, пропустили немцев в стороне от себя в наши тылы, а потом быстро из расположения взвода ПТР позвонили в штаб и посоветовали

товали принимать «немецкую баланду». Таким образом мы помогли задержать 2 немецких языка, да ещё с супом.

Моё обмундирование, полученное в Москве, постепенно стало обновляться: подобрали пилотку, которая плотно сидела на моих кудрях. Кто-то принёс настоящий офицерский ремень с портупеей, достали красивую планшетку, сменили чулки на приличные – стального цвета. Заместитель командира полка, полковник Манохин, пожертвовал свои хромовые сапоги, которые перешли мне по ноге и только тогда я стала ходить с сухими ногами. Научили классно мотать портянки, а эта учёба была важно не только мне, но и всем солдатам, многие из которых не умели правильно обуться, а это значит приходили в санроту с потёртостями.

С приходом зимы появилась и ушанка, и валенки, стёганые брюки и телогрейка, а затем такой красивый тулупчик, что расстаться с ним весной не хотелось.

После длительного стояния на болоте, когда оно замерзло, началось движение наших войск. Шли, в основном, ночами, видели, как вдалеке горели города Старая Русса и Невель. Передислокация, обычно, кончалась столкновением с немцами, тогда было много раненых и 5 лошадиных упряжек, которые были в распоряжении санроты, не хватало, чтобы эвакуировать тяжело раненых в тыл, в дивизионный 405 МСБ (медико-санитарный батальон), который двигался вслед за дивизией на 1,5–2,5 км в тылу.

Бывали случаи, когда немцы налетали на МСБ, тогда все врачи и санитары занимали круговую оборону, отбивались, сохраняя и себя, и раненых.

Дивизия двигалась на северо-запад. Перед взятием станции Новосокольникови на железной дороге Великие Луки – Рига заместитель командира полка по политчасти, майор Ямчук, объявил, что на семафоре этой станции висит мешок с орденами. Взяли станцию с ходу и многие были действительно награждены орденами и медалями.

При сильных боях не хватало санитаров, чтобы выносить раненых с передовой, тогда запросили усиление, и к нам в полк прибыло двое ездовых с

упряжками служебных собак. Лодочку-волокушу везли 2–3 пары собак в специальной упряжке. Когда бой утихал, ездовые с собаками выходили на передовую и специальным посылом отправляли собак вперёд. Заметив их, лежащие раненые подзывали собак, они подъезжали, раненый, собирая последние силы, перекатывался в лодочку. Как только она тяжелела, собаки поворачивали обратно к своему ездовому. Так была спасена жизнь многим тяжёлым раненым. Иногда мы наблюдали, как собаки крутились, грызлись, путали построения, но стоило ездовому на них прикрикнуть, как они смиренно садились и ждали, когда он их распутает. Несколько собак на нашей передовой убило, но как благодарны были им и раненые и мы, медики, за умелую помощь.

Марш полка, как правило, проходил ночью. Впереди колонны шёл командный состав полка и главный врач. Мне, как младшему врачу, приходилось во время движения проверять, как двигается колонна, многие ли хромают. Каждые 45 минут утраивался привал на 15 минут, ритм движения был постоянным. К привалу я собирала всех «инвалидов» и с ними подходила к санроте, которая замыкала колонну. Здесь всех отставших проверяли, перевязывали или сажали на повозку, хотя все повозки у нас были заняты палаткой, оборудованием, перевязочным материалом, кухней. За следующие 45 минут я успевала по обочине дороги обойти всю колонну и доложить главврачу о результатах осмотра. Так продолжалось всю ночь, а утром, когда полк располагался на отдых, решали судьбу отобранных больных — идти с ними дальше, или отправлять в тыл, МСБ. Эти марши запомнились мне на всю жизнь, особенно, когда колонна выходит из леса и на неё «набрасывается» ветер, снег и мороз. Тогда приходилось выявлять и обмороженных. Весной и летом передислокация полка проходила более благополучно. Встречи с немцами случались периодически, когда они внезапно нападали на колонну, или заранее занимали выгодные позиции. Тогда наши усилия выбить их приводили к большим потерям. В таких случаях полковая санрота на ходу разворачивалась к приёму раненых и разгрузив все повозки, отправляла тяжёлых раненых в тыл.

Боевые действия нашей дивизии были успешными и, видимо, работу медиков оценили тоже неплохо. К 8 марта 1943 года в дивизионной газете была статья: «Награды Отважным». В ней говорилось: «От имени Президиума Верховного Совета СССР, за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждены:». Далее перечислялись 10 женщин нашей дивизии, в том числе старший лейтенант медицинской службы Андрианова Вера Николаевна — медалью «За Отвагу». Это была моя первая награда, и я ей очень горжусь.

К этому времени во всей Красной Армии менялось обмундирование, вместо гимнастёрок старого образца с отложными воротничками мы получили новые со стоящим воротничком и вместо «кубарей» и «шпал» — погоны, причём почему-то мы, младшие врачи полка, вместо шпалы получили 3 звёздочки, то есть из капитанов мы стали старшими лейтенантами. Почему? Никто не знал.

Однажды на пути следования дивизии оказалась высотка не очень большая — 22,12 по топографической карте, но немцы оттуда обстреливали широкий диапазон, и никак не удавалось их выбить. Тогда командование полка запросило для поддержки штрафной батальон. Мне пришлось быть в штабе полка, когда командир штрафного батальона докладывал о прибытии начальнику штаба полка. Батальон оказался морской пехоты и после обсуждения целей и задач его использования по карте, командир батальона поставил перед командованием полка ряд условий и при их выполнении гарантировал взятие высотки. Условия эти были очень своеобразные, не уставные и мне они запомнились: 1. Наступление начинаем в 3 часа утра; 2. Перед наступлением не проводить артподготовки; 3. Разрешить батальону нарушить военную форму — «Мы пойдём без бушлатов, в тельняшках с автоматами и кортиками».

Несколько удивили всех эти условия, но так как бойцы штрафного батальона идут в бой один раз, который заканчивается для них или смертью, или тяжёлым ранением, после которого они перестают быть штрафниками, коман-

дование полка дало согласие на их условия. Санрота усилила взвод санитаров-носильщиков и к 3 часам ночи всё было готово для приёма раненых. Довольно долго была подозрительная тишина, после чего пошёл большой поток раненых. Санитары еле успевали оборачиваться с носилками. Через 30–40 минут в бой вступили батальоны нашего полка, и высотка была взята к рассвету. Солдаты рассказывали, что немцы, увидев вначале полосатые тельняшки, бросали места в окопах и бежали в тыл, пока их не настигала пуля или клинок. Раненых было очень много, тяжёлые ранения в голову, в живот, ампутированные руки, ноги. Все они после первичной обработки, наложения шин и жгутов отправлялись в МСБ. Командир штрафного батальона был убит. Очень запомнилось это «побою». Такие дни очень долго не «выветриваются» из памяти, ходишь как побитая, хотя после этого боя продвижение наших войск шло более или менее спокойно.

При передислокации санроты по «остриженному» артогнём лесу, по бурелому и слякоти мы решили сократить дорогу и пошли напрямик узкой тропинкой. Вдруг перед нами немецкий блиндаж в 2 наката, целый и лесенка к нему вниз, и все стены обиты узкими белыми берёзками вертикально, от потолка до пола. Так уютно, так красиво, что мы решили зайти туда, хотя бы переобуться, но не успели мы сесть на лавки, сделанные из этих же берёзок, и снять сапоги, как нас догнал старший врач Т.Т. Кургузов и с криком обрушился на нас, требуя, чтобы мы немедленно вышли и пошли дальше. Нас было трое девочек — я, Катя и начальник аптеки Рита. Приказ есть приказ — вышли и пошли за главным, который быстро зашагал по тропе. Мы отошли не более чем на 100 метров, как начался артобстрел, пришлось залечь, и мы видим, что один из снарядов попал прямо в «наш» блиндаж, и все берёзки полетели в стороны. Пока шёл обстрел, и мы лежали в грязи, главный всё время ворчал и только тогда мы поняли, что все свои блиндажи у немцев заранее были пристреляны в расчёте как раз на таких дураков, как мы. Долго мы потом в душе были благодарны Тимофею Тимофеевичу, что остались живыми, но спасибо ему так и не сказали.

Надо иметь ввиду, что немцы откатывались на запад на машинах, а мы догоняли их пешком, потому темпы движения всё ускорялись. К этому времени 200 дивизия уже была основательно потрёпана и на короткий срок нас поставили на отдых и доукомплектование. Стали прибывать вновь мобилизованные, преимущественно старших возрастов. И вот одна партия нас с Катей «ошарашила»! прибыло более 100 человек, которых надо было осмотреть. Раздевались они перед санобработкой, и у большинства из них волосы на груди и животе «ходили ходуном» — так много было вшей. Вызвали парикмахера, брили всех подряд, волосы и всё бельё, даже пилотки, бросали в большой костёр, верхнюю одежду — в вошебойку-дезокамеру, солдат — в баню, потом они одевались во всё чистое, привезённое из штаба. Ушла на это масса времени, с утра до позднего вечера. Тут же лечили у нескольких человек чесотку. Всё же больных мы не избежали — 2 солдат заболели сыпным тифом.

Следующая напряжённая работа была, когда наша дивизия принимала участие во взятии г. Двинска. Перед взятием города к нам пришёл новый командир полка — полковник Кирилл Кириллович Кириллов. До наступления он дал команду выстроить все подразделения полка в общее каре, в центр которого принесли полковое знамя. Подтянутый, стройный, одетый со строгим соблюдением всей воинской формы, он вошёл в центр каре, представился, затем встал на одно колено и поцеловал полковое знамя. Затем он произнёс такую зажигательную, патриотическую речь, что у многих солдат, особенно старших возрастов, на глазах появились слёзы. Позже мы узнали, что до войны он кончил факультет журналистики и был известным в Москве журналистом.

Наступлению на город предшествовало форсирование р. Дриссы, довольно широкой. Бои шли и днём и ночью с переменным успехом. Наш полк удерживал левый фланг. Хорошо, что это было лето, границы Латвии мы перешли 18 июля 1944 года в 15 часов 45 минут. Раненые солдаты приходили в санроту мокрые с головы до ног. Санрота располагалась в этот раз в деревне и, прежде, чем перевязывать раненых, их отправляли в избу, где топилась печь и им меня-

ли всё обмундирование, сушили портянки, а потом уж решали вопрос о смене повязок, наложенных на поле боя и проводили другие меры помощи. Бой проходил несколько дней без перерыва с небольшим затишьем среди ночи – немцы не любили воевать ночью, а наши к этому времени выдыхались и тоже вынужденно проявляли пассивность. Наконец г. Двинск был взят и приказом по армии ряду воинских подразделений было присвоено звание «Двинских», в их числе была и наша 200 дивизия.

Самого города, звание которого мы получили, никто из нас не видел, так как дивизия проходила южнее города. Правда, в 1979 и в 1984 годах Латвийский город Даугавпилс очень торжественно отмечал 35 и 40 лет своего освобождения от немецких захватчиков. Воинов всех «Двинских» дивизий приглашали на празднование. Принимали очень тепло и приветливо. Из нашей 200 дивизии было всего несколько человек, в том числе и я. За пребывание в гостинице и питание в ресторане в течение трёх дней мы ничего не платили. Торжественная встреча у вечного огня, у братских могил и на Холме Славы за городом, куда шли все гости, все жители города пешком под торжественный марш, организована была очень хорошо, с пением фронтовых и латвийских песен, с участием воинских подразделений. Было торжественное заседание, а после обеда очень разнообразная программа на городском стадионе. На банкете была сказана масса благодарственных слов в адрес освободителей. Каждый из нас получил много сувениров и подарков. Там же был космонавт Юрий Петрович Артюхин. Его отец-лётчик, погиб под Двинском, и сын был избран почётным гражданином г. Двинска. На обратной дороге в Москву мы оказались с ним в одном вагоне и слушали массу интересных рассказов о полёте в космос, и фотографировались.

После освобождения г. Двинска вновь большая группа солдат и офицеров получили государственные награды. Я в это время была уже капитаном мед. службы (4 звёздочки на погонах) и получила орден «Красной звезды».

От Двинска в составе II Прибалтийского фронта наша дивизия продвигалась с боями по направлению к Риге через станцию Резенне, Мадона.

Природа Латвии нас удивляла своей живописностью, где поля, леса чередовались с отдельными хуторами, имеющими хозяйственные постройки, гаражи, в подвалах масса консервированных овощей и фруктов в стеклянных банках. Некоторые хутора, видимо, были только что оставлены перед нашим приходом, а другие были забаррикадированы и отстреливались при нашем приближении.

Движение по дорогам Латвии было небезопасно. Обстрелы их проводились ежедневно. Однажды днём на пыльной просёлочной дороге немец «засёк» нас и, чтобы сохранить лошадей, командир санроты доктор Мендель дал команду срочно распрячь лошадей и угнать их в ближайший лес. Только лошадей отвели, немец начал бить тяжёлыми снарядами. Кто-то спрятался под повозки, а мы с Менделем залегли в глубокий кювет у дороги. Только успели лечь, снаряд без звука разорвался где-то совсем рядом, нас засыпало комьями земли. Мендель тут же вскочил и потащил меня за собой. Я, не понимая в чём дело, побежала за ним, но через несколько шагов мы оказались в рыхлой земле свежей воронки. Сходу я опустилась на дно, но тут же подскочила, так как села на горячий металлический осколок. Только чуть отдышавшись, командир роты мне объяснил, что при обстреле два раза в одно место снаряд никогда не попадёт, так что на сей раз здесь мы в безопасности.

Полк продвигался с периодическими боями до ст. Добеле, где 20.08.1944 года получили команду грузиться в эшелон. Стрелковые полки грузились в «телячьи» вагоны, арtpолк — на платформы. Санитарный вагон был тоже «телячьим». Проехали Латвию мы ночью благополучно без обстрела, а когда начали приближаться к ст. Бологое, то мы все терялись в догадках — куда нас везут? Если поедem налево, значит или к Москве на переформирование, или на Дальний Восток. Если же повернём направо, значит снова на фронт, в Польшу. Станция Бологое была ночью, но в эшелоне почти никто не спал, гадали. После

прохождения семафора и стрелок поняли, что едем в Польшу. Все сразу легли спать. На следующий день мы выгрузились на границе с Польшей, далее колея железной дороги была уже, чем наша. Продвижение на запад лесами было спокойным, но, когда на следующий день нам надо было обосноваться в лесу, выяснилось, что брёвна на блиндажи нам надо купить у поляков. Санрота решила обойтись своей палаткой, стрельбы не было.

Стояли мы в этом месте довольно долго, здесь встречали и Новый, 1945 год. Настроение было приподнятое. Наконец-то мы будем воевать уже не на своей земле! Это был первый военный Новый год, который я встречала в гражданской одежде. Разведчики принесли мне очень хорошее тёмно-синее трикотажное платье в белый горошек, чёрные туфли на каблуке, замшевые с лаком, нашлись тонкие светлые чулки. Всё это очень изменило настроение. Была примета, что значит в 1945 году я переоденусь в гражданскую одежду. Однако примета не сбылась... в январе дивизия поднялась и по трём различным направлениям пошла на Запад. Когда мы вышли на берег р. Вислы, над рекой вечером была масса трассирующих пуль, точно приветствие нашему прибытию. На западном берегу Вислы мы быстро оказались во дворе большого фольварка, расположенного на низком берегу реки перед высокими холмами, которые отделяли нас от дальнейшего берега. В большом дворе, огороженном высоким белым каменным забором, имеющим большие ворота со стороны реки и с противоположной стороны, в центре стоял белый дом с большим мезонином и белыми колоннами перед крыльцом, обращённым на юг. Этот двор вместил весь полковой обоз с лошадьми и повозками. В подвале дома расположился штаб полка, на I этаже санитарная рота, а в мезонине — наблюдательный пункт со стереотрубой. Пока не начался поток раненых, мы поднимались наверх и наблюдали, как примерно в 1,5–2-х километрах южнее нашего фольварка из-за холмов по направлению к реке перебежали немцы — пешие и на лафетах артиллерийских орудий и с миномётами. Они пытались выйти из окружения в районе г. Торна, а нашему полку была поставлена задача не допустить их выхода. Потому весь

личный состав полка и артиллерия были сосредоточены на этих бежавших немцах.

Среди дня, 4 февраля 1945 года, с улицы закричали: «Прибыли повозки с ранеными!». Я и фельдшер Аркадий, совсем молодой мальчик, только что прибывший в полк из резерва, схватили ножницы, жгуты, стерильные пакеты перевязочного материала и выскочили на крыльцо. В это же время в западные ворота въехал немецкий танк. Он совершенно безнаказанно с хода начал утюжить все повозки и лошадей, стоящих за каменной стеной. Начался крик ездовых, шум, стрельба из винтовок, но танку это не помешало трижды «прогуляться» по двору и повернуть вновь к воротам. Уже в воротах он остановился, навёл пушку на наш дом и сделал единственный выстрел по углу фольварка. Аркадий схватился за висок, меня обожгло по правой руке и ноге, кто-то из раненых на повозке сильно застонал. Из дома выбежали ещё 2 фельдшера, а мы с Аркадием вернулись в дом. Я стала бинтовать его висок, а мне санитар срочно снимал сапоги, так как позже их пришлось бы резать. Я получила осколочные множественные ранения в правую руку и ногу. Когда стемнело, раненых, что лежали на повозках, и нас с Аркадием повезли через Вислу в МСБ. Он находился в 2-х км от реки, дорога лесная с ухабами. По дороге я поняла, что Аркадий умер. В МСБ меня сразу положили на операционный стол и пытались убрать осколки. Хотя и было больно, но меня интересовал вопрос, будут ли у меня обе ноги свои, когда меня успокоили, что будут, я спросила, смогу ли я носить тонкие чулки.

Осколки оказались в верхней и нижней трети голени очень глубоко, между костями и потому хирурги решили их не вынимать, чтобы не нарушить функцию мышц голени. На следующий день меня отправили в армейский госпиталь №1923, который располагался в г. Торне. Там хирурги согласились с мнением наших хирургов и не стали вынимать осколки. Нашли ещё один осколок в области свода правой стопы. Все эти осколки до сих пор сидят в ноге и потому права нога чуть тяжелее левой. В этом госпитале я пролежала до 5 мая 1945 года, раны долго гноились.

С начала апреля у меня с ногами стало лучше, и я стала ходить в перевязочную помогать там медсёстрам.

Всё время моего пребывания в госпитале на моей тумбочке постоянно стояли свежие цветы, чаще тюльпаны. Адресата их я так и не узнала.

Связь со своей 200 дивизией у меня была налажена чёткая. Я знала, где они воюют, куда двигаются. Мне не хотелось порывать добрые связи с людьми, с которыми прошла весь фронтовой путь. 200 дивизия участвовала во взятии Данцига, Гдыни, вышли из Польши через Семимюнде, брали Штеттин.

В конце апреля нога и рука у меня совсем зажили, и я начала проситься на выписку. Выходила в город, была в магазинах, фотографии, навещала знакомого по госпиталю Галю Гривняк в лазарете монастыря, куда её перевели. Там очень плохо кормили раненых, и я часто носила ей что-нибудь с нашего стола — американскую мясную тушёнку, плавленый сыр в больших круглых банках, булочку, шоколад, иногда папиросы из моего офицерского пайка, которые она могла поменять на продукты. На мои просьбы о выписке главный врач госпиталя уговаривал остаться у них в штате, так как война кончается, вот-вот возьмут Берлин. Меня это даже обидело. Я ему сказала, что всю войну я прошла в стрелковом полку и встречать день Победы хочу там же. Наконец, 5 мая 1945 года, меня выписали из госпиталя. Я забрала свой белый тулупчик, в котором приехала, ушанку, дали мне какие-то сапоги, и я поехала догонять свою дивизию. На попутных машинах через Семимюнде, Штеттин, Гарделаген я приехала на опушку леса около г. Стендали, где был штаб 3 ударной армии. В это время наши войска уже взяли Берлин, настроение у всех было приподнятое, вот-вот кончится война!

В армейском штабе на мою просьбу направить меня в 200 Двинскую дивизию посмотрели очень безразлично и дали направление в 391 дивизию. Возражать было бесполезно. Туда же возвращалась после брюшного тифа ещё одна врач. Нам дали машину и отвезли в какую-то деревню. Поместили в пустой дом, никого вокруг нет, и какая-то противная тишина. Рано утром нас разбудили-

ла беспорядочная стрельба, отдельные выстрелы, автоматные очереди, шум ракетниц. Открыли окно, спрашиваем, какой день? Говорят, «9 Мая», — а почему стреляют? — «Это салют Победы! Война кончилась!» Почему-то в душе не было никакого восторга.

Пошли искать начальника санитарной службы дивизии. Подполковник мед. службы сидел на крыльце своего дома в домашних тапочках и палил из автомата в воздух. Мы доложили по всей форме, поздравили его с Победой, и я говорю: «Товарищ подполковник, война же кончилась, вам, наверное, врачи уже не нужны. Отправьте нас снова в штаб армии!». Он быстро согласился, подписал наши направления, дал машину и отправил обратно в штаб. Я так ему за это благодарна! Обратно мы ехали в открытой машине, и вдруг нас обгоняет опель и загораживает дорогу. В чём дело? Из машины выходит начсандив 200 дивизии майор Заморский и идёт к нам. Он увидел меня и решил выяснить куда еду. Узнав в чём дело, он забрал мои вещи и полушубок к себе в машину, я тоже пересела, он мне говорит: «Я еду в штаб армии и там всё улажу!» Как я была рада! Я даже не выходила там из машины. Он взял мне направление в 200 дивизию, и мы поехали в родной МСБ. Приехали около 2-х часов ночи. В офицерском составе оказалось много новых людей, а «старички» все очень обрадовались моему возвращению. Оказалось, что моё место в полку уже занято, и меня направили старшим врачом в 650 артиллерийский полк, так как моя предшественница с диагнозом туберкулёз лёгких была только что демобилизована.

Май и июнь—месяц прошли в сплошных торжествах, каждая дивизия получала ордена и отмечала это событие большим банкетом, причём каждый полк хотел отличиться особым приёмом и угощением своих гостей и всего строевого состава своего подразделениями, оставшихся к этому времени. Пировали в старинных саксонских замках, ели на серебре, пили из хрусталя.

В конце мая мы на машинах ездили на экскурсию в Берлин. Окраины его были не очень разбиты, но целые кварталы были со следами пожаров, другие — были целые, и на каждом доме из окон висели простыни и ещё какие-то белые

тряпки. По центру на машинах проехать было нельзя. Руины оставляли лишь тропинку. Немцы стояли цепочками и по одному кирпичу, передавая их, разбирали завалы. На Унтер ден Линден не было ни одной липы и много осколков белых мраморных столбов, на которых при Гитлере была свастика. Руины были и вокруг рейхстага, но мы всё же туда пробрались и нашли местечко, чтобы углём оставить свои автографы на его избитых стенах в зале 1 этажа. В канцелярии Гитлера — пустая тёмная комната и только в углу стоит один большой глобус.

Наш арtpолк был расположен в г. Бранденбурге, в знаменитых бранденбургских казармах времён Фридриха Великого. Красные каменные здания в 3 этажа были очень длинные со сплошным коридором. Наша санрота располагалась в специально оборудованном помещении на 2 этаже, но коридор был прерван взрывом тяжёлой бомбы и, чтобы пройти в конец коридора, приходилось выходить на улицу и заходить с противоположного торца.

После массовых празднований в июне 1945 года пришёл приказ о расформировании нашей 200 Краснознамённой Двинской дивизии, как не кадровой и имеющей всего 40% личного состава. Для рядового и младшего командного состава это была радость — возвращение домой. А весь офицерский состав направлялся под Берлин, в запасный офицерский полк. Это, конечно, огорчало, но всё же все медики дивизии собирались вместе и там ждали новых назначений. Что же касалось 650 арtpолка, то его не расформировывали, а в полном составе передавали 33 стрелковой Холмско-Берлинской ордена Суворова дивизии для усиления артслужбы.

Как обидно было расставаться со всеми однополчанами в конце войны. Переезжая в арtpолк, я взяла из своих старых запасов пару белых лошадей, дубовый фаэтон на красном бархате и ординарца — ст. сержанта Молодцова — из Москвы. Выезд был у меня солидный и вот, оставаясь в новой дивизии, я еженедельно ездила в деревню (забыла её название), где располагался МСБ этой дивизии. Начальником сан. службы был майор Горелин. Я подходила к нему по

Уставу и клала на стол рапорт с просьбой откомандировать меня в резерв. Мотивы были разные — кончилась война, я женщина, я раненая, я нуждаюсь в возврате в медицинский институт, так как кончала ускоренный выпуск, за время войны я не имела отпуска, и ещё что-то. Он принимал меня благосклонно и всё обещал, что поедет в штаб армии и получит для меня замену. Приходилось терпеливо ждать, но упорство своё я сохраняла.

И вот однажды утром из окна Бранденбургских казарм я вижу, как по улице едет повозка с каким-то скарбом, включая ковёр, а за ней идёт мл. врач 642 стрелкового полка 200 дивизии Борис Шнейдерман. Я кричу: «Боря, ты куда?». А он мне отвечает — «Тебя я и ищу!». Радости моей не было предела, его прислали мне на смену. Передача дел потребовала меньше суток и вот я в группе наших медиков в резервном полку. Молодцова и свою «карету» я забрала с собой. Встреча была, как с самыми близкими людьми. Я доложила о своём прибытии и влилась в весёлую компанию отдыхающих после войны офицеров. В штабе отмечались утром и вечером, а днём уезжали куда-нибудь в лес, в сады, чаще на озеро Райнебергзее. Чувство выполненного долга, свободы, раскованности очень помогало моральному и физическому отдыху. Однако для меня опять эта свобода кончилась быстрее, чем для других.

В первых числах июля после возвращения с прогулки я нашла на кровати записку: «Явиться к начальнику штаба». Решила, что надо сходить сейчас же. Встретил меня майор хмуро и тут же одёрнул, хотя я представилась по форме. Сердито спросил: «Где Вы пропадали?» — «Была в отгуле», — «Вот именно, а эшелон демобилизованных мог уйти без врача». По алфавиту я стояла первая, вот и должна была ехать. «Пришлось искать срочно замену. Следующий эшелон повезёте Вы, не отлучайтесь из части». Вот и отдых! Пришла в общежитие расстроенная, но друзья начали успокаивать, завидовали, что поеду на родину. Через несколько дней я была назначена врачом эшелона демобилизованных из Берлина в Омск.

Демобилизованные воины, преимущественно старших возрастов, в чистом обмундировании, при орденах и медалях, были выстроены перед эшелонам, был зачитан приказ об их демобилизации, каждому был вручён ценный подарок (ткань, мотоцикл, велосипед, патефон, ещё какие-то коробочки), после чего началась посадка в «телячьи» вагоны повзводно. Для начальника эшелона, героя Советского Союза, полковника Алексева, его штабу и санитарному пункту был выделен такой же вагон в середине эшелона. Всего вагонов было 8 или 10.

Перед отправкой эшелона я и 2 санитаря обошли все вагоны. Оказалось, что в каждом вагоне весь его объём до потолка заставлен вещами — шкафы, кровати, велосипеды, мотоциклы, узлы, чемоданы, а все солдаты расположились у раздвинутой двери, заложённой перекладной. На вопрос, нет ли больных, из всех вагонов дружно отвечали «Нет».

По Германии и Польше наш состав тащил какой-то маленький чёрный паровозик, чёрный дым из его трубы тянулся до конца эшелона, накладывая «косметический след» на всех пассажиров. Ехали медленно, иногда ночью, говорят, стояли по 2–3 часа, так как кочегар и машинист спали. Иногда паровоз останавливался среди поля, где-то вдалеке было видно несколько домов. Вдруг солдаты начинали прыгать из вагонов и разбредаться во все стороны: кто на картофельное поле, кто в кусты, кто к речке. Начальник эшелона посылал старшину узнать в чём дело. Оказывается, паровозная бригада ушла в деревню к родне в гости. По возвращении они получили выговор от полковника Алексева, но это привело к худшим результатам. Они практиковали это ещё 2 раза, но теперь, возвращаясь из «самоволки», они даже не давали сигнала, а прямо по тихой, медленно отправлялись дальше. Тогда пассажиры бежали вдогонку и залезали с помощью товарищей в последние вагоны. Мы, медики, всю эту дорогу были на нервах. Если же поезд останавливался на какой-нибудь маленькой польской станции, то тот же час как из-под земли появлялись молодые, размаляванные, декольтированные с красивыми причёсками полячки и с выкриками:

«Цоколаде! Лимонаде» зазывали солдат. Находились желающие, а потом в пути появлялись рвоты и поносы, поэтому по просьбе начальника эшелона я обошла все вагоны с беседами на эту тему. На наше счастье больше таких станций не попадалось. Ночью мы пересекли границу СССР и встали в Бресте на запасные пути для «перевалки» в русские вагоны, у которых колея была шире польской. На перегрузку ушли целые сутки, - так много вещей надо было солдатам перетаскать по настланным доскам из старых вагонов в новые. Поезд был весь украшен цветами, впереди – портрет Сталина, ведь это шёл по нашей земле всего второй эшелон из-за границы.

По родной земле мы ехали быстро, останавливались лишь на больших станциях. Ни одного вокзала и станции целыми не было. Если останавливались где-нибудь, то тут же к вагонам сбегалось большое количество жителей, все искали родных и знакомых. В Минске, несмотря на проливной дождь, на перроне играл духовой оркестр, и было много народа с цветами. Был митинг, приветствия и благодарственные слова в адрес победителей, объятия, слёзы, возгласы «Ура!». Они перемежались с каким-то «кваканьем». Потом мы поняли, что оркестранты периодически перевертывали трубы и выливали из них воду. Всё это не охлаждало общего восторженного настроения.

Вторая такая же остановка была в Смоленске, но без дождя. В Москву мы приехали ночью и стояли недолго далеко от вокзала, где-то на запасных путях. Даже позвонить родным не удалось. Когда подъезжали к Казани, я увидела родную Волгу, о которой скучала, как о родном и близком существе. В Казани полковник Алексеев решил не везти всех демобилизованных до Омска, а выгружать их по пути в родные деревни и городки. Всех это очень обрадовало и дорогу от Казани до границы Омской области мы даже не запомнили. А когда подъехали к Омской земле, к машинисту посадили старшину, который регулировал движение состава. И вот первая деревня показалась в стороне от железной дороги, поезд затормозил и встал. Со стороны деревни к нам бежала большая толпа ребятишек, а в это время из одного вагона начали выгружать чьи-то

вещи. Их хозяин, узнав земляков, побежал им навстречу. Ребята узнали его, закричали «Дядя Петя приехал!» и бросились обратно в деревню. А им навстречу уже ехали на лошадях взрослые. Встреча со слезами, криками, пока грузили трофеи на телегу, поезд пошёл дальше. Таких остановок до Омска было не менее 20, кое-где оставляли сразу по 3–5 человек. Весь этот путь был полон и радости, и слёз!

В Омск приехало не более 60 человек. Встреча земляков была торжественная, с митингом, оркестром, и каждому воину поднесли каравай на полотенце с солонкой.

Разгружались они где-то на запасном пути, этого я не видела. Сдав всех в здравии, я жила в Омске ещё 2 дня. Гостеприимно принимала меня женщина, директор хлебозавода, водила в театр.

Обратно все сопровождающие эшелон ехали в купейных вагонах и наслаждались комфортом после «телячьего» вагона с нарами. По дороге мы узнали, что тот эшелон, который шёл из Берлина первым, прибыл во Владивосток перед самым началом войны с Японией и все сопровождающие эшелон были оставлены в войсках, направляющихся в Японию.

Всю обратную дорогу я ехала спокойно, даже как-то меланхолично, думая, что еду опять в Германию. Так было до Кирова. Когда я увидела эту станцию, всё во мне зашевелилось: куда поедем? — на Горький или на Ярославль. Все пошли в вокзал за обедом и сухим пайком, а мне ничего не хотелось. Скоро ли поедем? Поехали, и по мелким станциям я поняла, что едем в Горький. Слезы брызнули из глаз. Полковник Алексеев стал выяснять в чём дело и, когда я рассказала, он взял на себя ответственность и разрешил мне месячный отпуск. Как я была ему благодарна!

К Горькому подъехали ночью. Только в Волге отражалась луна, над городом единичные огоньки, хорошо виден лишь знакомый силуэт Кремля.

Простившись с товарищами, я вышла на вокзале. Как добралась домой — не помню. В нашей коммунальной квартире из 8 жильцов только я была на

фронте. Вымывшись в Ковалихинской бане, переодевшись во всё гражданское, первую неделю я никуда не ходила из дома: расспросы, рассказы, воспоминания, слёзы и смех сквозь слёзы. Все были очень рады, а я — больше всех!

Потом я походила по знакомым и узнала, что в мединституте можно получить справку, что необходимо доучиваться, и по ней из армии тут же отпустят. Получив такую справку, через месяц, в начале октября 1945 года, я с маленьким банным чемоданчиком в очищенном и отглаженном обмундировании поехала в Москву. Из Москвы в Берлин в это время уже ходил прямой поезд — 500 — весёлый, который вёз отпускников. Стоял он на Варшавском вокзале на запасном пути и состоял из тех же «телячьих» вагонов с нарами, на которых был еловый лапник. Ехал он быстро, почти без остановок, так что даже сухой паёк на вокзалах получить не успевали. Когда проехали Польшу и пересекли границу Германии, на какой-то станции мужчины узнали, что под путями есть столовая. Пять офицеров собрали все наши талоны и пошли отовариваться. В вагоне осталась я и 3 солдата-ординарца. Не прошло и 10 минут, как поезд без сигнала зашипел и поехал. В Берлине мы были через 3 часа, в американской зоне на Лерто-банов. Очень грязный, под стеклянным навесом которого было столько копоти и дыма, что трудно было дышать. Зная, что штаб III Ударной Армии находится у Потсдама, я поехала туда на маленькой «кукушке» — паровозике с 4-мя купированными вагонами, причём вход в каждое купе — с улицы, сто ступенек, идущих снаружи вагона по всей его длине. Дверь открываешь — все 4 места заняты, идёшь к следующей двери. Ехали не долго, и среди дня я была в штабе. Шла весело и уверенно, что сейчас оформлю демобилизацию и обратно. Начальник штаба принял меня быстро, долго читал мою справку, смотря то на неё, то на меня. Я стояла по стойке смирно. Потом он сказал: «Присядьте. Дело в том, что приказ о доучивании касается врачей, работающих в Наркомате здравоохранения, а Вы — в системе наркомата обороны, потому на Вас этот приказ не распространяется». Наступило длительное молчание, затем он сказал: «Давайте решать, где Вы будете продолжать службу». Мне было

всё равно и меня направили старшим врачом 1-го армейского запасного батальона. Оказалось, что этот батальон по составу равнялся полноценному полку. Здесь собирались все освобождённые из плена военнослужащие, которые проверялись особистами и решалась их дальнейшая судьба. Больных среди них было гораздо больше, чем среди военнослужащих действующей Армии. Большинство имели терапевтические заболевания. На приёме ежедневно было несколько десятков человек, а в штате санроты были, кроме меня, 1 фельдшер и 2 санитаря. Пришлось идти к командиру батальона с рапортом об увеличении штата. Он усмехнулся и сказал: «Пойдите в кадры, просмотрите личные дела и отберите медиков сколько Вам надо». Там были и врачи, и фельдшеры, и студенты-медики. Я отобрала 10 человек, перевели их из общей казармы ко мне в отдельный домик, и работа санроты пошла активнее. Провели мы подготовку санинструкторов в каждый взвод, установили контроль за пищеблоком, за санитарным режимом жилища. На территории Германии всё это сделать было не так трудно, так как жилые помещения и пищеблоки были оборудованы очень хорошо, и следить за их чистотой было не сложно. А по вечерам весь состав санроты собирался вместе, и люди, бывшие в плену по 2–3 года, рассказывали массу интересных эпизодов. Почему-то факты работы в шахтах, избиения, карцер, голодовки, которым их подвергали, вспоминали они редко, чаще другое — работая у бауэра среди французов, один доктор из Тбилиси с восторгом вспоминал, как они лакомились лягушачьими лапками и обещал нас угостить, но желающих не нашлось. Фельдшер из Минска нашёл путь избавиться от работы в шахте: он ездил в Берлин, а там на Александрплац был рынок, где можно было купить всё, что угодно. За свои сохранившиеся запонки он купил пробирку с мокротой и предъявил её в своём бараке. В мокроте была найдена палочка Коха, и его как больного туберкулёзом, перевели в более малолюдный барак и не стали посылать на работы в шахту. Таких эпизодов мы наслушались много, всего не перескажешь.

Состав батальона довольно быстро редел, его рассортировывали, и в начале декабря мне пришлось ехать в штаб армии за новыми назначениями. В душе я надеялась, что меня демобилизуют, но не тут-то было.

Приехав в Потсдам, я узнала, что сегодня 5 декабря — День Конституции, и штаб не работает. Пришлось расположиться в офицерской гостинице. В номере широкая деревянная кровать, бельё на ней атласное, стол, стул, большой таз с кувшином для умывания, а над кроватью висит «домик» — часы-ходики с кукушкой, которая каждые 30 минут приветствует жильца. Ой, как понравилась мне эта игрушка! Сидеть в номере с утра не хотелось, и я решила побродить по городу. Форма парадная, погоны белые с четырьмя звёздочками, на ремне — «Вальтер» — маленький немецкий пистолет. В городе русских солдат и офицеров больше, чем немцев. Первое, что поразило меня, это: недалеко от гостиницы стоят 2 тёмных рубленых деревянных избы с резными наличниками на сваях. Вход в них — по деревянной лестнице в 5–6 ступенек, эти родные домики в окружении немецкой вычурной архитектуры остановили меня надолго. Мимо идёт офицер и улыбается: «Здорово? Это избы русских гренадёров, подаренных Фридриху русским царём Александром I в 1826 году. Их было 5 и назывались они «колония Александровская». Никогда не забудешь это видение! Разрушений в городе почти нет, но было много следов пожаров в больших домах. Гуляя по улицам, я натолкнулась на большой парк за красивой витой чугунной решёткой. Оттуда повеяло прохладой и влагой, а в городе пахло гарью. Захотелось туда пойти. В больших воротах оказалась открытой маленькая калиточка, я в неё вошла и сразу обратила внимание, что в парке пустынно. Но меня это не смутило. Большая аллея среди деревьев где-то далеко упиралась в большой дворец. Аллея периодически расширялась в круг, в центре которого был бассейн, а вокруг — мраморные скульптуры. Здесь я заметила группы немцев, которые ремонтировали скульптуру — приклеивали отбитые носы, уши, пальцы, руки. Первый бассейн был окружён чёрными негритянскими головками на столбиках, второй — мужскими скульптурами из греческой мифо-

логии, третий — женскими скульптурами, а следующий — больше всех — был окружён парными скульптурами тоже греческих богов. Видимо, раньше во всех этих бассейнах били вертикальные фонтаны. Все эти фигуры были из белого мрамора, белоснежные, блестящие, гладкие, как сахарные. Глаза разбегались от этой красоты, ноги сами «тормозили». Справа от этого большого бассейна поднималась террасами горка, вся застекленная. Очень она меня удивила, я пошла по лесенке вверх и тут в «стеклянных шкафах» на фоне зелёной стены я увидела виноград. Гроздья крупные, спелые, зелёные и розовые. Рядом никого не было. С усилием я открыла эту вертикальную парниковую дверцу, шагнула туда и сорвала виноград. Очень вкусный, хороший, спелый. Вот это находка! И почему это на него никто не зарится? Гуляла я по этим террасам долго, съела много винограда, но с собой не взяла. Решила, что пора идти в гостиницу. Прошла обратно весь этот путь по парку без всяких препятствий, вышла из калиточки, закрыла её на засов.

Когда пришла в столовую гостиницы, есть не хотелось. Сосед по столу стал меня спрашивать, где я была. Я рассказала всё подробно, он очень удивился. Оказывается, была я в королевском парке Сан-Суси, куда вход русским категорически воспрещён. «Могла ты там остаться, и никто бы тебя не нашёл». Ничего, винограда наелась 5 декабря и вернулась живой...

Вид этой белой мраморной скульптуры остался у меня в памяти на всю жизнь. И вот в 1975 году, когда с группой русских туристов я вновь побывала в Сан-Суси, я заранее все уши прожужжала попутчикам об этой красоте. Но, когда мы пришли в этот парк, все эти фигуры были грязные, серые, шершавые, с подтёками грязи и никакого вида не имели. На «виноградной горке» винограда не было, она была запущена. Все мои попутчики из Горького были, наверное, уверены, что все мои восторги являлись плодом моего воображения, а мне было обидно.

6 декабря 1945 года, явившись в штаб, я получила назначение старшим врачом I-го отдельного демонтажного батальона III У.А. Это было фактически

подразделение, вновь сформированное после войны. Весь рядовой состав имел среднее техническое образование, а все офицеры имели звание инженеров. Они только что приехали из холодной и голодной России, и удивлялись в Германии всему. В первую очередь, чистоте и порядку. Задача этого батальона состояла в демонтаже оборудования немецких заводов, которые перешли к нам по репарациям, как компенсация разрушенных русских заводов и вообще всех разрушений на нашей территории. Когда я прибыла, санитарная рота располагалась в г. Шонебеке на берегу р. Эльбы, недалеко от Магдебурга на территории завода «Юнкерс». Весь завод был под землёй, а санрота в светлом, двухэтажном здании с зеркальными окнами и помещениями, отделанными от пола до потолка голубоватым кафелем. Полы выложены плиткой бирюзового цвета, всё действует: и вода, и канализация, и души. Даже в комнате, где мне пришлось жить, полотнищами и простынями занавесили 3 стеклянные стены.

Работа батальона состояла в демонтаже заводов Юргенса, Круппа, мелких фабрик, а всего одновременно оборудование снималось более чем с 30 объектов. Всё это оборудование паковалось, грузилось на эшелоны и отправлялось в СССР. Располагались эти объекты на всей территории советской оккупационной зоны Германии, так что мне пришлось завести 12 автомашин с шоферами и всё время разъезжать по этим объектам. Чтобы осматривать солдат и офицеров. Эти путешествия мне очень нравились. Я объехала все дороги и видела много городов и посёлков. Восторгалась их дорогами, все они были обсажены фруктовыми деревьями – черешни, слива, яблоня, груша. Покрытие дорог было безукоризненное, несмотря на то, что только что кончилась война. «Как же это у вас получается?», — спрашивала я у немцев, — и они мне объяснили, что все дороги в Германии поделены между бауэрами, которые ухаживают за деревьями, снимают с них урожай. Одновременно они следят за покрытием дороги, и, только оно нарушается, сейчас же его «латают». Если они это делают не вовремя и недобросовестно, то этот участок дороги передаётся другому хозяину вместе с деревьями. Никто из немцев не рвёт плодов с чужих деревьев, и только

наши дорогие завоеватели подгоняли под эти деревья открытые машины, трясли их в полную молодую силу и ехали дальше.

Народ в батальоне был весь молодой, сильный, здоровый, так что больных выявлялось мало, но через 2–3 недели после первого осмотра, приехав снова, я находила среди солдат и офицеров больных гонореей или сифилисом, или мягким шанкром. Потом ходили слухи, что у Гитлера была подготовлена целая армия женщин, больных венерическими болезнями, которые «платили» нашим воинам за поражение. Приходилось больных снимать с работы и отвозить в специальный госпиталь в г. Рослау, который располагался за колючей проволокой на территории бывшего концлагеря.

Для меня эти болезни были в новинку, так как, когда мы учились в институте их нам даже не могли показать на больных, потому что их не было. Поэтому пришлось мне поехать на специализацию в этот головной госпиталь в г. Рослау. После месяца работы там многому я научилась. Сифилис тогда лечили американским непрерывным методом по Стоксу, который состоял во введении больным ежедневно поочередно мышьяка, висмута и ртути. Спирохета (возбудитель сифилиса) не выдерживала, к концу второго месяца умирала, больных демобилизовали, но через 6–12 месяцев они умирали, так как отказывали почки. Тогда ещё не было обилия антибиотиков и даже сульфопрепаратов, и метод лечения гонореи был очень оригинальным: больному в мышцу вводили 5,0 скипидара, это поднимало температуру тела до 40–41° на 4–5 дней. Этой температуры хватало, чтобы убить в организме гонококка (возбудителя гонореи), больной же, пролежав 2–3 дня, потом 5–6 дней ходит на костылях, волоча за собой «леченую ногу». Потом всё проходит, но память от этого лечения у больного сохраняется надолго, и повторно заболевших обычно не бывает.

Перед уходом из госпиталя на собеседовании с главным врачом он спросил меня, сколько коек в моей санроте. Я ответила, что 10. «Тогда закажите 7 пар костылей, а потом уже начинайте лечить». Я освоила этот метод в совер-

шенстве, и после лечения группа больных сфотографировалась и подарила мне на память эту фотографию.

Санитарная рота несколько раз меняла районы своего расположения. Мы переезжали вместе со всем батальоном, жили в деревне Дингельштетт. Вокруг были леса, и фельдшеры утром выходили за деревню на опушку леса и отстреливали из немецкой боевой винтовки с оптическим прицелом то коосулю, то зайца, то куропатку, а то и несколько. Эту дичь мы отдавали хозяйке мое квартиры, немке, которая использовала всё: и перья, и шкурку, и головки, и кости, и копытца, а нам готовила горячее блюдо на всю санроту, украшая тушку маринованными фруктами из своих запасов. Жили немцы там скудно и когда мне приносили с кухни обед, большую часть его я отдавала семье хозяев.

Когда мы уезжали из этой деревни, хозяйка провожала нас со слезами и набрала целую корзину фруктов нам на дорогу.

Последним местом моего пребывания в Германии был г. Магдебург. Этот город был мало разрушен, ходили там трамваи и автобусы. Интересно отметить, что в этих автобусах цена за билет для немцев была 1 марка, а для нас, русских, 2 марки. Стоимость билетов в трамваях зависела от количества остановок. На билете была схема маршрута, и прибывалась станция посадки и станция окончания маршрута. От вокзала мы ездили трамваем на юго-западную окраину города, где проходила Лейпцигерштрассе — улица, которая переходила в Лейпцигское шоссе. На всём протяжении от Магдебурга до Лейпцига оно было обсажено черешней, покрытие шоссе было очень хорошее, но там, где оно переходило в город или деревню, дорога была выстлана булыжником или бутовым камнем. Это обеспечивало вынужденное снижение скорости в населённых пунктах.

Жили все офицеры на частных квартирах, рядовые — на объектах, которых было много и в городе, и в его окрестностях.

В июне меня вызвали на квартиру к командиру батальона. Лежал он с высокой температурой, ангиной, полным отсутствием голоса. Осмотрев больного,

я села за стол заполнить историю болезни и тут вижу на столе целую пачку аттестационных листов. Быстро нашла свой лист, весь его не читала, а только заключение: «Целесообразно оставить в кадрах, присвоить очередное воинское звание майора медицинской службы». Расстроило это меня ужасно. Так я соскучилась о доме, так надоела эта форма, военная субординация... «Хватит уж! Прошло более четырёх лет службы в армии».

По вечерам мы ездили с начальником штаба в его машине в Дом офицеров, который находился в центре города. Он ухаживал за дочкой моей хозяйки, весёлой хохотушкой Ингрид, и вот мы ездили втроём. В первый же вечер я рассказала ему о своём «открытии», а он меня успокоил: «Ничего, назначай день твоего рождения». Я сразу сообразила, что речь идёт о приглашении комбата. Зная, что командир батальона любит выпить, мы запаслись ящиком шнапса и ящиком грюн-ликёра. От немки спрятали их под кровать. В один из выходных дней собрались у меня несколько человек, в том числе 2 врача — вольнонаёмных женщин из госпиталя. Весело провели время, пели, танцевали, играли на гитаре, на пианино, а когда комбат был «хорош», начальник штаба подсунул ему на подпись мой аттестационный лист, заполненный заранее им, где в заключении было написано: «Целесообразно демобилизовать в связи с неоконченным образованием». Это было в июне 1946 года. в таком виде документ ушёл в штаб группы оккупационных войск в Германии. Я с нетерпением ждала результата, пришёл он лишь в конце августа. Получив документы о демобилизации, я собралась в один день. Меня на машине отвезли в Потсдам, где формировался эшелон демобилизованных. На сей раз это был состав довольно грязный, с теми же «телячьими» вагонами. В одном из вагонов ехала полевая кухня. Никаких торжественных проводов не было. Всё проводилось по-военному быстро и оперативно. Ехали тоже быстро. Ширина колеи от Берлина до Москвы была одинаковой, поэтому на границе перегружаться не приходилось, митингов на станциях тоже не было, потому, примерно через 3 дня, мы были уже в Москве. Стояли там снова где-то за городом на запасных путях, а в

Горький приехали в 3 часа ночи 8 сентября 1946 года. утром этого дня я была дома. Наконец-то можно снять гимнастёрку, сапоги и шинель и почувствовать себя гражданским человеком!

Уже в областном военкомате г. Горького от 29.08.1946 г. я получила медаль «За победу над Германией» и 14.09.1946 г. — «За освобождение Варшавы».